

нк-ск-1 ф-1 кп-д-

808-14
2702

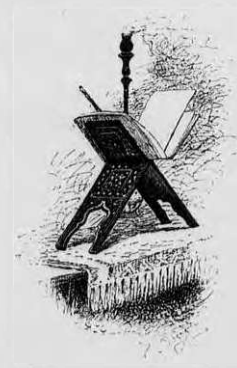
С 50
59 9

ТУРКЕСТАНСКИЙ
ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИКЪ

ВЪ ПОЛЬЗУ ПРОКАЖЕННЫХЪ.

ИЗДАВАЕМЫЙ

на средства Туркестанскаго Окружнаго Управленія Россійскаго Общества
Краснаго Креста.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія А. Бенке, Новый переулочъ 2.

1900.

отчетливо прочиталъ, такъ что я удивился. За словарь генераль подарилъ мнѣ 100 руб. и приказалъ доставить 10 экземпляровъ, которые онъ подарилъ Бухарскимъ посланникамъ, находившимся въ то время въ Ташкентѣ».

Поводомъ къ этому разсказу послужила случайная моя встрѣча съ Шакирджаномъ Ишаевымъ 13 іюля 1899 года близъ мѣста первоначальнаго погребенія покойнаго Константина Петровича. Я просилъ Шакирджана записать для меня этотъ разсказъ, которому я придаю настоящую редакцію, придерживаясь оригинала, изложеннаго инородцемъ-татариномъ.

Н. Остроумовъ.

Что даетъ средне-азиатская мусульманская школа въ образовательномъ и воспитательномъ отношеніяхъ?

Въ числу туземныхъ мусульманскихъ школъ принадлежать:

1) *Мактабъ* (или *мактабъ-ханъ*) ¹⁾ — начальная школа грамотности. Этихъ школъ, по официальнымъ свѣдѣніямъ, въ Туркестанскомъ краѣ (въ Сыръ-Дарьинской, Ферганской и Самаркандской областяхъ), имѣется 4632 съ 44773 учащимися.

2) *Далаямъ-ханъ* имѣются въ Ферганской области въ числѣ 4. Въ нихъ учащіеся (всего числомъ 56) обыкновенно совершенно незнакомые съ арабскимъ языкомъ, заучиваютъ наизусть особыя молитвы *далаямъ-и-хайратъ*, написанныя на арабскомъ языкѣ, вслѣдствіе чего содержаніе ихъ для большинства учащихся навсегда остается малоизвѣстнымъ.

3) *Кары-ханъ* ²⁾ представляетъ собою столько-же школу, сколько и особый видъ пріюта для слѣпыхъ, ибо ея учениками и постоянными обитателями въ громадномъ большинствѣ случаевъ являются слѣпцы, по большей части взрослые, занимающіеся здѣсь исключительно заучиваніемъ наизусть корана.

Такихъ *Кары-хана* въ трехъ вышеупомянутыхъ областяхъ имѣется 333 съ 1203 учащимися. (Большая часть этихъ школъ (312) находится въ Ферганѣ).

4) *Мадраса* ³⁾ — высшая мусульманская школа, ученики которой,

¹⁾ *مکتب* *мактабъ* въ переводѣ съ арабскаго значить — мѣсто, гдѣ пишутъ, гдѣ учатся писать.

خانه *ханъ* — домъ, комната, помѣщеніе.

²⁾ *قاری* *кары* — чтецъ корана.

³⁾ *مدرسه* *мадраса* въ переводѣ съ арабскаго значить — мѣсто, гдѣ учатъ, гдѣ читаютъ лекціи.

муллы, подъ руководствомъ *мударрисовъ*, преподавателей, изучаютъ главнымъ образомъ арабскій языкъ, священный въ глазахъ мусульманъ, такъ какъ на немъ написанъ коранъ и мусульманское вѣро- и законоученіе.

Всѣхъ мадраса въ трехъ вышеупомянутыхъ областяхъ 277 съ 7935 учащимися.

Наиболѣе важными въ образовательномъ и воспитательномъ отношеніяхъ представляются *мактібъ* и *мадрасы*. Но прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію учебныхъ программъ и способовъ преподаванія, принятыхъ и искони практикуемыхъ въ этихъ школахъ, считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько общихъ словъ о томъ, въ какомъ положеніи находится теперь наука въ Средней Азій, и о тѣхъ отношеніяхъ, которыя сложились у туземныхъ мусульманъ къ наукѣ вообще и къ мусульманской наукѣ въ особенности.

Мусульманская наука. Ея прошлое и настоящее.

Что касается собственно мусульманской науки, то въ первое время существованія ислама вся она заключалась въ коранѣ, считающемся мусульманами божественнымъ откровеніемъ и являющемъ собою посмертный сборникъ главнѣйшихъ изрѣченій и поученій мусульманскаго пророка, который, заимствовавъ наибольшую часть провозглашенныхъ имъ доктринъ изъ Закона Моисеева, основалъ теократическое государство, религіозные и государственные законы котораго столь тѣсно связаны между собою ихъ основной идеей, что во многихъ случаяхъ трудно рѣшить, гдѣ кончается религія и начинается государственное право.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, вслѣдствіе совершенной безсистемности корана и крайней неясности многихъ его мѣстъ, непосредственное руководство однимъ этимъ кодексомъ во многихъ случаяхъ представлялось и представляется совершенно невозможнымъ.

Поэтому, вслѣдъ за смертью Мухаммада, вошло въ обычай въ тѣхъ случаяхъ, для которыхъ не находилось вполне опредѣленнаго рѣшенія въ коранѣ, обращаться за совѣтами къ ученикамъ и соподвижникамъ пророка, прося ихъ припомнить какое-либо такое изрѣченіе или дѣйствіе послѣдняго, изъ котораго было-бы видно, какъ-бы рѣшилъ въ данномъ случаѣ самъ Мухаммадъ. Впослѣдствіе всѣ эти преданія записывались и получили общее названіе *хадисовъ*.

Кромѣ того, записывались также и юридическія рѣшенія (*фатвѣ*) первыхъ мусульманскихъ законодѣдовъ, къ числу которыхъ прежде всего относятся первые четыре *халифа*. Нѣсколько позже мусульман-

скіе богословы и законодѣды приступили къ систематизированію доктринъ, заключающихся въ коранѣ, хадисахъ и фатвахъ, и къ составленію комментаріевъ къ этимъ тремъ главнѣйшимъ источникамъ мусульманскаго вѣро- и законоученія, въ результатѣ чего получился, такъ называемый, *шаріатъ*, заключающій въ себѣ систематическое изложеніе основныхъ доктринъ ислама и комментаріевъ къ онимъ.

Такимъ образомъ, на первыхъ-же порахъ существованія ислама, въ силу необходимости систематизировать и комментировать ученіе, провозглашенное «печатью пророковъ»¹⁾, создалась мусульманская богословско-юридическая наука, настолько заполонившая умы разбывавшихъ ее ученыхъ, что послѣдніе безповоротнo признали въ ней универсальную науку всѣхъ наукъ, дающую отвѣты на всѣ тѣ вопросы, которые могутъ возникать въ сферѣ и религіозной, и семейной, и общественной жизни правовѣрнаго. Впрочемъ, на установленіе среди мусульманъ первыхъ вѣковъ такого рода отношеній къ шаріату были еще и другія причины.

Во первыхъ, есть нѣсколько хадисовъ, дающихъ право предположить²⁾, что самъ мусульманскій пророкъ старался установить эти отношенія къ исламу, а потому поощрялъ своихъ послѣдователей къ пріобрѣтенію знаній проповѣдывавшагося имъ ученія. Такъ напр., согласно одному хадису, онъ сказалъ: «изучайте *фараизъ* (мусульманское наслѣдственное право) — въ немъ половина человѣческаго знанія».

Во вторыхъ, мы врядъ ли впадемъ въ ошибку, если скажемъ, что еврейство, столь сильно вліявшее на исламъ во время его возникновенія³⁾, несомнѣнно наложило свою руку и на эту сторону мусульманской жизни, пріучивъ мусульманъ признавать за науку только богословіе и право⁴⁾, при чемъ знаніе арабскаго языка, на которомъ написанъ коранъ и на которомъ, по вѣрованіямъ мусульманъ, говоритъ самъ Богъ, сдѣлалось необходимымъ не для однихъ только теологовъ,

¹⁾ Мусульмане считаютъ Мухаммада послѣднимъ и совершеннѣйшимъ пророкомъ, а потому называютъ его *хатамъ-уль-анбіа* — печать пророковъ.

²⁾ Съ нашей точки зрѣнія далеко не всѣ хадисы могутъ считаться заслуживающими довѣрія. Но для истаго мусульманина сомнѣній этого рода не должно существовать, ибо неотвергнутые до сего времени мусульманскими богословами хадисы, тѣмъ самымъ признаны достовѣрными; а, во-вторыхъ, богословы послѣднихъ вѣковъ зачастую аргументируютъ богословскія и юридическія положенія угрозой: «кто этому не вѣритъ, тотъ да будетъ считаться вѣроотступникомъ, а жена его да будетъ разведена съ нимъ». (По шаріату вѣроотступничество одного изъ супруговъ влечетъ за собою немедленное расторгненіе брака).

³⁾ Разборъ этого вопроса см. въ Справочной Книжкѣ Самаркандской Области за 1898 г., стр. 1—93.

⁴⁾ Искони держась этого взгляда, евреи сохранили его до послѣдняго времени. См. «Очерки домашней и общественной жизни евреевъ». Алексѣевъ. 1896 г.

но также и прежде всего для юристов, а потому языкъ этотъ вскорѣ же сдѣлался государственнымъ языкомъ для всего халифата. Его изученіе было непремѣннымъ условіемъ успѣшнаго общенія между мусульманскими народами, а равно и дальнѣйшаго распространенія знаній ¹⁾).

Однако-же такія отношенія къ шаріату, повидимому, долгое время были достояніемъ однихъ лишь мусульманскихъ законовѣдовъ; не только народныя массы, но даже и сами народные представители долгое еще время относились крайне индифферентно къ дѣламъ религіи вообще и къ ея изученію въ частности. «Послѣ Кадисійской побѣды (637), которая отдала Персію въ руки арабамъ, оказалось, что при раздѣлѣ добычи остался еще большой излишекъ. Халифъ Омаръ написалъ полководцу раздѣлить этотъ излишекъ между тѣми воинами, которые знаютъ на память наиболѣе длинные отрывки изъ корана. Полководецъ созвалъ храбрецовъ, которые больше всѣхъ содѣйствовали побѣдѣ и спросилъ знатнаго Амира Ибнъ-Маді-Кариба, что онъ знаетъ. «Ничего», отвѣчалъ тотъ, «я принялъ исламъ въ Йеменѣ и слишкомъ много воевалъ, чтобы еще заниматься кораномъ!» — «Ну, а ты?» спросилъ полководецъ у Битра Таифскаго. «Я знаю больше, чѣмъ Амиръ, я знаю: во имя Бога милосерднаго». Но кромѣ этихъ словъ и онъ ничего больше не зналъ.

Побѣдителямъ-арабамъ, поселившимся въ Африкѣ, даже въѣкъ спустя не было еще извѣстно, что коранъ запрещаетъ пить вино.

Изъ халифовъ только первые четыре были преданы исламу. Халифы же Омейядскіе были или крайне безразличными, или прямо невѣрующими. Что при ихъ дворѣ въ Дамаскѣ было много христіанъ, занимавшихъ важныя должности въ управленіи, это мелочь въ сравненіи съ другими фактами ²⁾).

Валидъ II дошелъ уже до того, что на общественную молитву посылалъ вмѣсто себя какую нибудь изъ своихъ наложницъ, а кораномъ пользовался какъ цѣлью для стрѣльбы ³⁾.

Если укорененіе ислама и ознакомленіе съ его догматами шло очень малоуспѣшно среди самихъ арабовъ, то еще хуже это дѣло стояло среди народовъ, постепенно покорявшихся арабами-завоевателями, причиной военныхъ успѣховъ которыхъ былъ не религіозный фанатизмъ, а «съ одной стороны грабительская жажда добычи, вызывавшая обычную арабскую храбрость, и строгая дисциплина, выработанная Мухаммадомъ, а съ другой стороны — внутренняя слабость Персіи и Византіи, прекрасно извѣстная арабамъ».

¹⁾ А. Мюллеръ. Исторія ислама. Т. II, стр. 154.

²⁾ А. Крымскій. Мусульманство и его будущность. Стр. 19—20.

³⁾ Тамъ-же, стр. 21.

Такъ напр., Кутайба трижды бралъ Бухару и трижды лишался ея, при чемъ обращенные уже имъ въ мусульманство жители снова отпадали отъ ислама. Когда, наконецъ, въ 4-й разъ Кутайба взялъ городъ, онъ лишь съ большимъ трудомъ ввелъ тамъ открытое исповѣданіе мусульманства, при чемъ однако-же, по свидѣтельству историка, бухарцы лишь по наружности придерживались ислама, а въ душѣ оставались идолопоклонниками.

Кутайба принужденъ былъ размѣстить своихъ арабовъ въ жилищахъ туземныхъ жителей, для наблюденія за религіозной жизнью послѣднихъ. Каждую пятницу онъ приказывалъ призывать на молитву людей, объявляя, что каждому, кто придетъ на молитву, онъ заплатитъ 2 диргема. Первое время послѣ обращенія въ мусульманство жители Бухары читали коранъ на персидскомъ языкѣ и не могли научиться арабскому языку. Когда настало время *рукуа* въ номарѣ (поясной поклонъ), особо назначенный для этого сзади ихъ стоящій челоѣкъ произносилъ «*бакнита накнитъ*», а когда приходило время дѣлать *саджда* (земной поклонъ), тотъ-же челоѣкъ произносилъ: «*ниунія нууни*» ¹⁾. Тѣмъ не менѣе, какъ мы уже замѣтили выше, среди избранныхъ адептовъ мусульманской науки, вскорѣ же (во II вѣкѣ мусульманской эры) основавшихъ нѣсколько школъ, наука эта крѣпла и развивалась, постепенно обращаясь изъ зерна, именуемаго кораномъ, въ вѣтвистое древо шаріата, съ развитіемъ котораго увеличилось и религіозное и гражданское значеніе арабскаго языка.

Въ половинѣ II вѣка мусульманской эры, одновременно съ перенесеніемъ халифата въ Багдадъ, при свободомыслихъ багдадскихъ халифахъ, начинается, къ сожалѣнію, крайне недолго продолжавшійся расцвѣтъ научной дѣятельности мусульманъ.

При багдадскихъ халифахъ установились постоянныя почти сношенія съ Византіей и Индіей; наиболѣе извѣстныя греческіе философы и писатели переводились на арабскій языкъ, при чемъ въ этотъ послѣдній вошло не мало греческихъ словъ. Агенты халифовъ посѣщали образованныя страны того времени, приобрѣтая различнѣйшія сочиненія для перевода ихъ на арабскій языкъ, благодаря чему часто случалось, что многія европейскія сочиненія того времени появлялись прежде всего у арабовъ, на арабскомъ языкѣ. Въ одномъ только Багдадѣ было болѣе 30 публичныхъ бібліотекъ. Халифомъ Мамуномъ было основано въ Багдадѣ великое учрежденіе подъ названіемъ «домъ наукъ»; тутъ же помѣщалась бібліотека и астрономическая обсерваторія; все это состояло подъ управленіемъ свѣдущаго Сельма и было сборнымъ пунктомъ для множества ученыхъ, независимо отъ школы въ Джун-

¹⁾ Мухаммадъ Наршахи. Переводъ Н. Лыкошина, стр. 62—64.

дешапуръ, начавшихъ заливать арабскую почву потокомъ греческихъ познаній¹⁾.

Арабскіе путешественники, посѣщая отдаленныя, невѣдомыя тогда страны, успѣли сдѣлать очень многое по части географіи. Достаточно сказать, что имѣющіяся нынѣ у насъ свѣдѣнія о похоронныхъ обрядахъ нашихъ предковъ, славянъ язычниковъ, сравнительно недавно почерпнуты нами изъ арабскихъ источниковъ. Арабскіе математики того времени разработали теорію десятичныхъ дробей и сдѣлали очень много въ области тригонометріи и алгебры, тогда какъ другіе арабскіе ученые трудились надъ астрономіей, медициной и философией.

Однако же этотъ непродолжительный періодъ увлеченія свободомыслящихъ багдадскихъ халифовъ пріобрѣтеніемъ знаній не далъ для умственной жизни послѣдующихъ поколѣній мусульманскихъ народовъ сколько нибудь значительныхъ результатовъ, ибо вскорѣ же наступила реакція: по мѣрѣ того, какъ духовная власть стала ускользать изъ рукъ халифовъ, индифферентно относившихся къ дѣламъ религіи, ихъ болѣе практичныя преемники поспѣшили заключить союзъ съ духовенствомъ; началось преслѣдованіе всего того, что улемы признавали ересью, не исключая философіи, математики и естественныхъ наукъ. Попутно съ усиленной разработкой мусульманскихъ богословія и права, т. е. того, что нынѣ извѣстно подъ общимъ именемъ шаріата, идеи греческихъ и иныхъ философовъ и ученыхъ начали или перелѣвывать такъ, чтобы не получалось противорѣчій съ шаріатомъ, или же просто-таки отвергаться, если идеи эти не поддавались вышесказанной переработкѣ. Кругъ умственной жизни мусульманскихъ ученыхъ быстро и крѣпко замкнулся для того, чтобы болѣе уже не разомкнуться своими собственными силами.

Вмѣстѣ съ тѣмъ центръ мусульманской интеллигентной жизни постепенно передвигался на востокъ, при чемъ и самый характеръ этой жизни съ теченіемъ времени постепенно перемѣнялся къ худшему: математика, медицина и естественныя науки замерли въ Багдадѣ; «... столь радостно зазеленѣвшій ростокъ до того заглохъ...», что много вѣтвей науки оказались заглохшими и послѣ того ужъ никогда больше не оживали въ Персіи».

Здѣсь, какъ и вообще на восточныхъ окраинахъ бывшаго халифата, научная и литературная дѣятельность въ послѣдующіе вѣка вспыхивала время отъ времени, но, во-первыхъ, сравнительно очень ненадолго, а, во-вторыхъ, въ моменты этихъ вспышекъ изъ числа тѣхъ наукъ, которыя мы въ настоящее время признаемъ за науки, вниманіе мѣстныхъ ученыхъ привлекала главнымъ образомъ исторія; значительно

меньше занимались географіей, астрономіей и лексикографіей. Въ Персіи было написано громадное число стихотвореній на самыя разнообразныя темы, при чемъ добрая половина этихъ произведеній — мистическаго характера и содержанія.

Выдающіеся персидскіе поэты первыхъ восьми вѣковъ мусульманской эры въ послѣдующее время всегда служили образцами для новѣйшихъ поэтовъ Фарезма (Хива), Ферганы, Бухары, Афганистана и мусульманской Индіи; но произведенія этихъ послѣднихъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ представляютъ собою слабое и по большей части довольно грубое подражаніе персидскимъ классикамъ такъ же, какъ подражанія новѣйшихъ бухарскихъ меценатовъ меценатамъ былого времени.

Наука, литература, искусства — все начинается быстро и замѣтно мельчать въ Центральной Азіи; настолько замѣтно, что это не ускользаетъ отъ вниманія туземца, который, сопоставляя прошлое съ настоящимъ и наглядно видя превосходство перваго, постепенно проникается представленіемъ о томъ, что это прошлое завершило все то, что человѣчеству суждено было сдѣлать въ области его умственной и духовно-нравственной жизни; что всѣ идеалы, все относительное, достижимое для человѣка совершенство тамъ, въ этомъ прошломъ, равнаго которому не можетъ быть ни теперь, ни послѣ; а потому, желающему достигнуть возможнаго совершенства не остается ничего болѣе, какъ учиться у этого прошлаго и по возможности подражать ему, ибо въ немъ все совершенно, ничто не можетъ подлежать ни критикѣ, ни сомнѣнію.

Въ Средней Азіи, послѣ распадѣнія царства Тимура, мѣстныя интеллигентныя силы расходовались преимущественно на изученіе и дальнѣйшую схоластическую разработку деталей богословія и права, при чемъ въ этихъ случаяхъ писали исключительно на арабскомъ языкѣ. Насколько велики были знанія тогдашнихъ мѣстныхъ ученыхъ по части шаріата и арабскаго языка, можно судить по тому, что такія авторитетныя и общеизвѣстныя между всѣми мусульманами сунитами книги (шаріата), какъ Хидая-и-шарифъ, Хикмат-уль-айнъ и Джам-ур-ромузъ, были написаны въ Ферганѣ, Бухарѣ и Сѣверномъ Афганистанѣ. Авторъ книги Хидая-и-шарифъ, отправившись на поклоненіе въ Мекку, получилъ приглашеніе занять кафедру и умеръ, будучи *мударрисомъ* (профессоромъ) одного изъ мединскихъ мадраса.

Не принесла пользы дѣлу науки и та доля свободомыслія, которая проникла было въ мусульманство, главнымъ образомъ въ Персіи и въ Средней Азіи, попутно съ развитіемъ мистическаго ученія суфизма (дервишизмъ), нѣкоторые адепты котораго, преслѣдуя идею достиженія возможно большей духовной чистоты, отрицали важ-

¹⁾ А. Мюллеръ. Исторія ислама. Т. II, стр. 203.

ность большинства канонических установлений религии (намазъ, постъ, и т. под.).

Причиной сказанного, какъ кажется, было то обстоятельство, что персы, очень склонные къ умозрительной философіи, никогда, повидимому, не проявляли ни склонности, ни особой способности къ занятиямъ точными, положительными науками; суфисты же (по крайней мѣрѣ наиболѣе свободомыслящіе), хотя и освободили свой умъ изъ темницы мусульманскаго богословія, но въ свою очередь, не интересовались ничѣмъ, кромѣ самаго суфизма и пререканій съ ортодоксами. Кромѣ того, моментъ наибольшей энергіи суфійскаго движенія относится къ тому времени, когда шаріатъ успѣлъ уже въ значительной мѣрѣ поработить мусульманскій умъ, забывшій о наукахъ, изучавшихся въ Багдадѣ.

Дабы не быть голословными и вмѣстѣ съ тѣмъ, пользуясь подходящимъ случаемъ, познакомить читателя съ малоизвѣстными у насъ характерными произведеніями этого рода персидскихъ поэтовъ-мистиковъ, послѣдователей ученія суфизма (или дервишизма, какъ его называютъ нѣкоторые европейскіе ученые), приведемъ нѣсколько отрывковъ.

Шамс-и-тавриз, обращаясь къ паломникамъ, отправившимся на поклоненіе въ Мекку, говорить:

ای قوم بجمع رفته کجایید کجایید
معشوق طمین جاست بیآئید بیآئید

О, отправившіеся на поклоненіе въ Мекку! Гдѣ вы? Гдѣ вы? Возлюбленная ¹⁾ здѣсь! Вернитесь! Вернитесь!

Шарафъ на ту-же тему разсуждаетъ такимъ образомъ:

اگر یابم شبی ناگه من آن سلطان خوانرا
سر اندر پای او آرم فداسازم دل و جانرا
روم در بتکده شبنم به پیش بت کنم سجده
کنم طداغ میخانه ببو سم پای مستانرا
به گرد کعبه کی گردم که روی یار من کعبه است
اگر یابم خربداری فرو شم دین و ایمان را
فروزم آتش از دل بسوزم قبله عالم
پس آنکه کعبه میسازم من آن ابروی جانوا
مگو تو این سخن کفر است اگر گوئی شوی کافر
برو ای مدعی نادان چه دانی سر مستانرا

¹⁾ Подъ именемъ возлюбленной мистики разумѣютъ Бога.

Если случайно мнѣ удастся встрѣтить ночью ¹⁾ эту повелительницу красавицъ,

Я припаду головой къ ея ногамъ; я отдамъ ²⁾ ей сердце и душу.

Я пойду въ капище идоловъ ³⁾, сяду передъ кумиромъ ⁴⁾ и стану класть ему земные поклоны.

Я буду совершать священные обряды ⁵⁾ вокругъ кабака ⁶⁾, буду пѣловать ноги ⁷⁾ (находящихся тамъ) пьяныхъ ⁸⁾.

Съ какой стати я буду совершать обходы вокругъ *Каабы*, когда моя *Кааба* — это лицо моей возлюбленной.

Если бы я нашелъ покупателя, я продалъ бы ему религію и вѣру ⁹⁾.

Разожгу (священный) огонь ¹⁰⁾ въ своемъ сердцѣ и сплю имъ міровую ¹¹⁾ *Каабу*.

Послѣ того, какъ сдѣлаю своей *Каабой* брови ¹²⁾ моей возлюбленной. «Не говори этого (Шарафъ); Это слова невѣрія; если ты будешь говорить такъ, тебя почтутъ вѣроотступникомъ».

Поди прочь, самомнительный дуракъ; что ты согласишься въ тайнахъ пьяныхъ.

Подобное этому стихотворенію находимъ и у Низами:

دوش رفتم بخوابات مرا راه نبود
میزدم ناله و فرباد زمن کسی نشنود

¹⁾ *Зикръ*, мистическое радѣніе, по большей части производится ночью.

²⁾ Т. е. мою возлюбленную. А подъ именемъ возлюбленной, какъ уже замѣчено выше, мистики, *суфи*, разумѣютъ Бога.

³⁾ Подъ именемъ капища идоловъ мистики разумѣютъ тѣ *ханона* и *танія*; въ которыхъ совершаются ихъ радѣнія.

⁴⁾ Кумиръ — Богъ, котораго *суфи* долженъ любить болѣе всего въ мірѣ.

⁵⁾ *Тавафъ*, священные семикратные обходы вокругъ *каабы*, Меккскаго храма, совершаемые паломниками во время поклоненія этой святыни.

⁶⁾ Подъ именемъ вина, запрещеннаго исламомъ, мистики разумѣютъ *зноръ*, радѣніе, приводящее ихъ въ то состояніе религіознаго экстаза, во время котораго по ихъ мнѣнію душа *суфія* (иначе *салика*, принадлежащаго *сулюку*, ордену) вступаетъ въ общеніе съ Божествомъ. Поэтому подъ именемъ кабака, входъ въ который для мусульманина считается преступнымъ и позорнымъ, разумѣютъ мѣсто производства радѣнія, производя котораго, *халкѣ*, кругъ составленный *закирами*, совершающими *закръ*, постепенно подвигаясь справа налѣво, совершаетъ тѣмъ самымъ подобіе *тавафа*, т. е. обхода вокругъ *каабы*.

⁷⁾ При совершеніи *тавафа* вокругъ *каабы*, паломники цѣлуютъ высокій порогъ двери, ведущей въ храмъ.

⁸⁾ Подъ именемъ пьяницы (*рында*) или пьянаго (*маста*) разумѣется *суфи*, мистикъ, находящійся въ состояніи религіознаго экстаза.

⁹⁾ Для истаго *суфія* достиженіе духовной чистоты важнѣе соблюденія уставовъ религіи.

¹⁰⁾ Мистики часто уподобляютъ себя огнепоклонникамъ.

¹¹⁾ Т. е. Меккскую.

¹²⁾ Т. е. ликъ, лицо.

و نه بد هيچ کس از باده فروشان بيدار
يا چو من مست بد و هيچ کسم در نکشود
نصفی بگذشت ز شب بيشتر و ياکمتر
رندی از غره بر آورد سر و رخ بنمود
گفتمش در بکشا گفت بر هرزه مگوئ
که در اين نيم شبان بهر تو در نکشود
اين نه مسجر که بهر خطه درت بکشایند
که تو دير آئی و اندر صف پيشی استی زود
اين خوابات مغان است در و مستان اند
شاهد و شمع و شراب و نى و آواز سرود

Вчера я пошелъ въ кабакъ, но не могъ войти туда;
Сколько я ни кричалъ, никто меня не слышалъ.
Не бодрствовалъ ни одинъ изъ продавцевъ вина ¹⁾.
Ни одинъ изъ подобныхъ мнѣ пьяныхъ; никто не отворилъ мнѣ двери,
Было около полночи, можетъ быть немного больше или немного меньше,
Когда, наконецъ, какой-то пьяница высунулъ голову.
Я сказалъ ему: «отвори дверь». А онъ сказалъ: «не говори глупостей.
«Кто станетъ отворять тебѣ дверь въ полночь.
«Это не мечеть, дверь которой всегда отворена для тебя,
«И гдѣ ты, опоздавъ, все-таки становишься въ переднихъ рядахъ.
«Это кабакъ огнепоклонниковъ; здѣсь пьяные.
«Здѣсь красавица; здѣсь освѣщеніе; здѣсь вино, флейты и звуки пѣнія ²⁾»).

Уморъ Хаямъ говоритъ:

يك دستم بمصحف يك دستم بجام
يا كافر مطلقم يا مسلمان خمام

Въ одной рукѣ у меня Писаніе ³⁾, а въ другой кубокъ съ виномъ ⁴⁾;
Одно изъ двухъ: или я абсолютный Кяфиръ, или безусловный мусульманинъ.

Сади старается доказать ортодоксу несостоятельность абсолютнаго запрещенія мусульманамъ употреблять спиртные напитки:

¹⁾ Разумѣется *теитъ* или *пиръ*.

²⁾ Разумѣется *зикръ*, радѣніе, заключающееся главнымъ образомъ въ повторительномъ произнесеніи имени Божія.

³⁾ Т. е., коранъ и шаріатъ.

⁴⁾ Т. е., ученіе суфизма, которое въ его первоначальныхъ формахъ было противоположно исламу.

من خون رزان خورم تو خون کسان
انصاف بده کدام یکی خو نخوار تر یم

Я пью кровь виноградной лозы; а ты пьешь кровь людей.
Разсуди самъ, кто изъ насъ двухъ кровожаднѣе.
Бидлилъ, разсуждая на тему о нравственности, идетъ еще далѣе:

ساکن بت خانه باش مر دم را آزاری مکن
من بخور مصحف بسبذ آتشی اندر کعبه زن

Пей вино, сжигай священные книги, сожги Каабу,
Живи въ капищѣ идоловъ, но лишь не обижай человѣка.

Таковы были въ общихъ чертахъ характеръ и направленіе умственной дѣятельности наиболѣе свободомыслящихъ суфистовъ, дѣятельности, которая при болѣе благоприятныхъ условіяхъ могла бы сослужить службу дѣлу измѣненія того положенія, въ которомъ находилась и находится мусульманская наука, но не сослужила этой службы по причинамъ, отмѣченнымъ уже нами выше.

Переходя къ общему взгляду на современное положеніе науки у мусульманъ Средней Азіи и резюмируя все сказанное выше, мы считаемъ себя въ правѣ сказать, что нынѣ туземецъ-мусульманинъ подъ именемъ науки (вообще) разумѣетъ главнымъ образомъ шаріатъ, а затѣмъ уже часть сочиненій по части этики и случайно сохранившіеся, случайно не забытые обрывочки того, что нѣкогда изучалось и разрабатывалось въ Багдадѣ.

Къ числу этихъ обрывочковъ отнесемъ прежде всего математику, изъ которой до сего времени помнятъ и знаютъ *лишь четыре дѣйствія съ простыми числами*. Именованныхъ чиселъ, дробей, отношеній, пропорцій и проч. не знаютъ и не изучаютъ. Арабское названіе дробей извѣстно *всѣмъ* хорошо грамотнымъ туземцамъ; но теории дробей они не знаютъ.

Въ области геометріи сохранились лишь смутныя воспоминанія о способахъ измѣренія площадей, при чемъ при измѣреніи этомъ всякіе вообще *треугольники и четырехугольники принимаются за прямоугольные*; иначе говоря, одна которая либо сторона принимается за основаніе, а другая, прилежащая къ ней, за высоту. Для измѣренія же площади круга, послѣдній дѣлятъ на секторы, которые тоже принимаютъ за прямоугольные треугольники.

Еще менѣе извѣстна алгебра. Во всей Средней Азіи не найдется болѣе десятка ученыхъ туземцевъ, которые въ сферѣ этой науки знаютъ что либо сверхъ ея названія.

Лучшія, но теперь, конечно, совсѣмъ почти устарѣвшія сочиненія по географіи принадлежатъ древнимъ арабскимъ путешественникамъ и ученымъ. Послѣднія изъ сколько нибудь сносныхъ географическихъ

описаний въ Средней Азіи появились, насколько намъ извѣстно, лѣтъ 400 тому назадъ и, вмѣстѣ съ книгами историческаго содержанія, очень мало популярны и мало распространены среди туземцевъ, отдающихъ предпочтеніе такимъ сборникамъ измышлений на географическія темы, какъ напр., *маклѣмат-уль-афакъ*, въ которомъ говорится объ островахъ, населенныхъ людьми съ собачьими головами, о деревьяхъ, на которыхъ вмѣсто плодовъ вырастаютъ живые скорпіоны, и иныхъ столь же диковинныхъ вѣщахъ.

Въ столь же печальномъ, убогомъ видѣ находятся медицина и естественныя науки.

Выше мы замѣтили уже, что имѣется большое число историческихъ сочиненій (преимущественно на персидскомъ языкѣ); но туземцы не считаютъ исторію за науку, а потому историческими книгами болѣшинство не интересуется и не читаетъ ихъ.

Таково современное положеніе въ Средней Азіи того, что у насъ принято называть наукой и научной литературой.

Отношенія средне-азіатскихъ мусульманъ къ наукамъ и къ ея представителямъ.

Теперь посмотримъ, какія отношенія къ этой наукѣ рекомендуютъ мусульманину шаріатъ, и мусульманская духовно-нравственная литература, какъ и все мусульманское, тѣсно связанная съ основными устоями ислама. Прежде всего обратимся къ корану, въ которомъ, между прочимъ, сказано: «онъ (коранъ) истинно отъ Господа твоего...» (11,20).

«Къ вамъ отъ Бога пришелъ свѣтъ и ясное писаніе...» (5,18).

«Это писаніе—нѣтъ сомнѣнія въ томъ—есть руководство благочестивымъ...» (2,1).

«—*читайте* изъ корана столько, сколько можете» (73,20).

«Мы (Богъ) изложили его на арабскомъ языкѣ, для того, чтобы вы понимали...» (43,2).

Слѣдовательно коранъ, а вмѣстѣ съ нимъ и шаріатъ, ибо послѣдній есть не болѣе, какъ детальное, комментированное изложеніе доктринъ, заключающихся въ первомъ, суть *истина, свѣтъ, ясное писаніе и руководство* благочестивымъ¹⁾, руководство, которое надо *читать* и *понимать*, дабы имѣть возможность усвоить его и руководиться имъ, преслѣдуя въ своей земной жизни одну главнѣйшую задачу—спасеніе души.

¹⁾ *шаріатъ* или *шаръ* (شرع), въ переводѣ съ арабскаго, значитъ *путь*, т. е., вѣроятный, прямой путь къ спасенію.

Въ томъ же коранѣ находимъ такой стихъ: «—они встрѣтили одного слугу изъ слугъ нашихъ, на котораго Мы (Богъ) ниспослали нашу милость, и которому Мы дали познать высшее знаніе» (18,64). Слѣдовательно, усвоеніе знанія, свѣта истины есть высочайшая милость, высочайшій даръ Божій, ниспосылаемый тѣмъ избранныкамъ, даръ, котораго долженъ жаждасть каждый вѣрующій, каждый ищущій спасенія своей души и вѣчнаго блаженства. Каждый, по мѣрѣ своихъ силъ и способностей, долженъ заботиться о приобрѣтеніи посильной (и предвѣчно предопредѣленной ему) доли знанія, которое само по себѣ, по существу, безпредѣльно такъ же, какъ безпредѣленъ Богъ, начало истины¹⁾ и источникъ всѣхъ знаній. Знаніе, наука—это безпредѣльное море. *Талибъ* (طالب), ищущій, домогающийся приобрѣтенія знанія, уподобляется челоуку, сидящему на берегу моря и пьющему его воду. Онъ никогда не будетъ въ состояніи выпить все это необъятное количество воды. Вмѣстѣ съ тѣмъ, подобно богатому, не имѣющему нравственнаго права отказать въ просимой у него нищимъ милостынѣ, знающій не имѣетъ права отказать въ сообщеніи своихъ знаній тому, кто обращается къ нему за этимъ.

Персидскій поэтъ—мыслитель, разсуждая о житейской роли знанія, подъ которымъ онъ, какъ мусульманинъ, конечно, разумѣетъ прежде всего шаріатъ, говоритъ такъ:

بنی آدم از علم یابد کمال
نه از حشمت و جاه مال و منال
چو شمع از پا علم بایر گداخت
که به علم نتوان خدا را شناخت
برو دامن علم گیر استوار
که علمت رساند بدار القرار
میآموز جز علم گر عاقلی
که به علم بودن بود غافل

Сыны челоуческіе совершенствуются знаніемъ,

А не роскошью и богатствомъ.

Свѣчу (освѣщающую твой смиренный путь) надо отливать изъ соли знанія,

Ибо безъ знанія ты не можешь познать Бога.

Иди и отдай себя подъ защиту науки,

Ибо она только можетъ дать тебѣ успокоеніе.

Не учишь ничему, кромѣ науки, если ты умный челоукъ,

Ибо не учиться—это значитъ не радѣть (о спасеніи своей души).

¹⁾ Одно изъ именъ Божіихъ есть *Хақкъ* (حق), что въ прямомъ значеніи—истина.

Въ *Дурр-уль-Аджаибъ*, одной изъ многочисленныхъ книгъ духовно-нравственнаго содержанія, находимъ нижеслѣдующія разсужденія:

Сонъ ученаго лучше, чѣмъ (*намазъ*) молитва неуча.

Лучше пробить одинъ часъ въ обществѣ ученаго, негоняющагося за наживой, чѣмъ молиться тысячу лѣтъ.

Быть въ обществѣ ученаго безсребренника все равно, что быть въ обществѣ какого-нибудь пророка, что въ свою очередь равносильно прошенію грѣховъ въ день страшнаго суда.

Для Бога нѣтъ человѣка угоднѣе такого ученаго, который въ своихъ поступкахъ всегда руководится наукой (т. е. шаріатомъ).

Слѣдуетъ уважать тѣхъ, кого Богъ просвѣтилъ свѣтомъ знанія; они украшеніе земли такъ-же, какъ звѣзды украшеніе неба.

Поддержкою государственнаго порядка служатъ: знанія ученыхъ, правосудіе султана, щедрость богатыхъ и молитвы бѣдняковъ.

Отсюда истекаетъ и взглядъ на тѣ отношенія, которыя обязательны для учащагося по отношенію къ его учителю.

То почтеніе, которое мусульманинъ обязанъ оказывать своему учителю (хотя и бывшему) должно быть больше почтенія, оказываемаго родителямъ. Побой учителя, говоритъ мусульманская мудрость, полезнѣе ласкъ родителей. Родители низводятъ душу человѣка съ неба на землю; учитель помогаетъ ей взойти съ земли на небо.

Бурхан-эт-динъ, авторъ книги *Хидая-и-шарифъ*, полагаетъ, что съ почтеніемъ слѣдуетъ относиться не только къ самому учителю, но даже и къ его потомкамъ¹⁾.

Въ книгѣ *Адаб-уль-мутаалли-минъ* находимъ, между прочимъ, нижеслѣдующія указанія относительно того, въ чемъ и какъ должно выражаться рекомендуемое исламомъ уваженіе къ учителю.

Пророкъ сказалъ: «кто преподавалъ мнѣ хотя бы одинъ только стихъ корана, тотъ мой хозяинъ». Халифъ-Али сказалъ: «тотъ, кто показавъ мнѣ хотя бы одну только букву, тѣмъ самымъ приобрѣлъ надо мной права хозяина».

Кто не уважаетъ науки, ученыхъ и своихъ учителей, тотъ никогда не извлечетъ для себя никакой пользы изъ усвоенныхъ имъ знаній.

Вѣжливый ученикъ во время пути не долженъ идти впереди своего учителя.

не долженъ садиться на то мѣсто, на которомъ раньше сидѣлъ *маллима* (учитель).

Онъ не долженъ ни начинать разговоръ ранѣе своего учителя, ни слишкомъ много говорить въ его присутствіи, даже и на тему урока.

¹⁾ Туземцы до сего времени исполняютъ это по отношенію къ потомкамъ наиболѣе чтимыхъ ими *ишановъ*, къ такъ называемымъ *пиръ-зада*. Пиръ тоже, что *Ишанъ*.

Ученикъ долженъ являться на урокъ аккуратно, въ назначенное для того время. Являсь на урокъ, онъ не долженъ стучаться въ дверь той комнаты, въ которой живетъ или учить *муаллимъ*, а смиренно ждать его появленія, сидя на короточкахъ или стоя за дверью.

Во время урока ученикъ безъ необходимости не долженъ сидѣть излишне близко къ учителю; разстояніе между ними должно быть приблизительно на *одну ладонь* (изъ котораго стрѣляютъ).

Ученику, даже взрослому, рекомендуется не умствуя, учить то, что прикажетъ учитель.

Ученикъ долженъ избѣгать такихъ поступковъ, которыми онъ можетъ разсердить или огорчить своего учителя. Если послѣдній грустенъ, не надо безъ особой нужды беспокоить его вопросами.

Такимъ образомъ, въ теоріи, а равно и въ практикѣ стараго времени исламъ отводитъ и отводилъ наукѣ и ея представителямъ очень высокое, очень видное мѣсто.

Далеко не то мы видимъ въ настоящее время. По мѣрѣ того, какъ мусульманская наука, по крайней мѣрѣ въ Средней Азіи, дѣлалась все болѣе и болѣе схоластической, мелочной и меркантильной, нисходя до рѣшенія вопроса о точныхъ размѣрахъ той награды, которая должна быть дана за то или другое богоугодное дѣло, или о томъ, при помощи какой уловки¹⁾ можно получить эту награду съ возможно меньшей матеріальной затратой, вся вообще мусульманская жизнь тоже размѣнивалась на мелочи и падала во всѣхъ ея проявленіяхъ, при чемъ главной причиной, главнымъ импульсомъ этого паденія былъ, все вытѣснившій собою, шаріатъ съ его мелочнымъ, меркантильнымъ направленіемъ. (Въ книгахъ шаріата, подобно талмуду, заключаются разрѣшенія такихъ, напр., вопросовъ: можно ли мусульманину пить воду, оставшуюся въ чашкѣ послѣ того, какъ изъ нея пилъ невѣрный? Какіхъ размѣровъ долженъ быть прудъ для того, чтобы присутствіе въ немъ дохлой рыбы не дѣлало-бы воду поганой? Можно-ли полати ротъ во время поста, не нарушивъ каноническихъ постановленій о послѣднемъ». При посредствѣ какихъ уловокъ (*حيلة*) можно обойти то или другое постановленіе ислама? и т. п.

Та же мелочность и меркантильность шаріата, приведшія его адептовъ къ изученію длиннаго ряда уловокъ (*حيلة*), привели къ неискренности отношеній въ сферѣ религіи и гражданскаго закона, которая, проникнувъ дальше, наложилла глубокой отпечатокъ на весь нравственный обликъ туземца-мусульманина.

Нынѣ въ житейской практикѣ всѣ вышеприведенныя постановленія, касающіяся отношеній къ наукѣ и ея представителямъ, испол-

¹⁾ *حيلة*

няются лишь по наружности. На словахъ всѣми признается вышеохарактеризованное значеніе науки и учености; но на самомъ дѣлѣ наука цѣнится только тогда, когда изъ нея можно извлечь какую-либо матеріальную пользу; а то почтеніе, которое должно было-бы оказываться, согласно основнымъ мусульманскимъ положеніямъ, знанію¹⁾, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, минуя это послѣднее, оказываютъ служебному положенію и туго набитому кошельку. Наружное почтеніе, оказываемое завѣдомо ученому человѣку, всегда усугубляется съ того момента, когда онъ назначается на должность казія. То же произошло и съ отношеніями къ учителю. Ученикъ, обращаясь къ учителю, называетъ его *таксыръ* (господинъ). Когда учитель входитъ въ комнату и встаетъ, всѣ ученики вскакиваютъ со своихъ мѣстъ, складываютъ руки на животъ и смиренно наклоняютъ головы внизъ и нѣсколько вправо, потупляя при этомъ взоры; при встрѣчѣ съ учителемъ на улицѣ, его привѣтствуютъ *саламомъ* и поклонами, для чего конные нерѣдко слѣзаютъ съ лошадей. Тѣмъ не менѣе, въ теченіе многолѣтнихъ сношеній съ туземцами, не разъ приходилось убѣждаться въ томъ, что случаи дѣйствительно почтительныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ душевныхъ отношеній къ своимъ учителямъ крайне рѣдки; много разъ лично приходилось убѣждаться въ томъ, что учителей хулятъ за глаза, передразниваютъ и распускаютъ про нихъ самые неблагопріятные слухи такъ же, какъ все это продѣлывается и относительно другихъ лицъ, къ которымъ шаріатъ никакого особеннаго почтенія не рекомендуетъ.

Намъ кажется, что гораздо больше искренности и душевности въ отношеніяхъ туземныхъ педагоговъ къ ихъ ученикамъ; но, къ сожалѣнію, иногда эти отношенія омрачаются тѣмъ, что на учащихся, какъ мы увидимъ это ниже, смотрятъ какъ на доходную статью, а потому бываютъ предусмотрительнѣе относительно тѣхъ, кто богаче.

Все же, желая оставаться безпристрастными, мы должны сказать, что среди туземныхъ *мударрисовъ*, преподавателей въ мадрасахъ, далеко не рѣдки такіе, которые, любя преподавательское дѣло и вѣруя въ полезность и непреложность сообщаемыхъ ими свѣдѣній, дѣлаютъ все зависящее отъ нихъ для того, чтобы дать учащимся возможно большее количество знаній. Ихъ отношенія къ учащимся мягки, душевны и искренни, къ своимъ ученикамъ, по крайней мѣрѣ къ лучшимъ, наиболѣе симпатичнымъ изъ нихъ, мударрисы относятся, какъ къ младшимъ товарищамъ. Послѣднему, по всей вѣроятности, немало способствуетъ и большой сравнительно возрастъ учащихся (отъ 15 до 40 лѣтъ) и большая продолжительность пребыванія ихъ въ мадрасѣ,

¹⁾ Въ такъ называемыхъ *маджлисахъ* (засѣданіяхъ) по правую руку султана и въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ нимъ должно отводиться мѣсто *улемамъ*, ученымъ.

а слѣдовательно и продолжительность общенія съ учителемъ. Доказательствомъ того, что такія отношенія дѣйствительно существуютъ и даже освящены мусульманскимъ обычаемъ, служитъ то обстоятельство, что, не смотря на глубокое почтеніе къ личности учителя, рекомендуемое шаріатомъ, ученикъ имѣетъ право, даже во время урока, вести съ учителемъ научный споръ, что не считается нарушеніемъ ни школьной дисциплины, ни общепринятыхъ правилъ вѣжливости.

По этому поводу мы можемъ привести слѣдующій лично извѣстный намъ случай, имѣвшій мѣсто въ одномъ изъ мадрасъ Туркестанскаго края. Во время урока, когда *мударрисъ* объяснялъ только-что прочитанный арабскій текстъ какой-то книги, одинъ изъ присутствовавшихъ на урокъ взрослыхъ уже учениковъ замѣтилъ преподавателю, что онъ, какъ кажется, ошибается; что такое-то слово или выраженіе слѣдуетъ понимать иначе. Учитель отвергъ замѣчаніе *муллы*¹⁾. Послѣдній возразилъ снова. Завязался горячій споръ, во время котораго мударрисъ вспылилъ, погорячился, вскочилъ съ своего мѣста, ударилъ ученика книгой по головѣ и выгналъ его изъ *дарс-ханы* (классная комната, аудиторія). Черезъ нѣсколько же минутъ старичку стало стыдно своей запальчивости; а, во-вторыхъ, онъ сообразилъ, что ученикъ былъ правъ. Мулла, смиренно сидѣвшій за дверью, немедленно же былъ позванъ въ аудиторію. Мударрисъ въ присутствіи всей *джамаи* (классъ) извинился передъ своимъ ученикомъ, сознавшись въ томъ, что онъ былъ дважды неправъ; при этомъ онъ сказалъ, что, для окончательнаго примиренія съ пострадавшимъ, завтра онъ придетъ къ нему въ гости, въ его *худжру* (келью). На слѣдующій день вечеромъ побитый *мулла* волей-неволей долженъ былъ устроить пирушку, при посредствѣ которой недоразумѣніе было окончательно устранено, а добрыя отношенія между мударрисомъ и его ученикомъ вполне установлены.

Охарактеризовавъ въ общихъ чертахъ современное отношеніе туземной мусульманской науки и тѣ отношенія къ ней самой и ея представителямъ, которыя постепенно устанавливались здѣсь на почвѣ основныхъ положеній ислама, перейдемъ къ ознакомленію съ двумя главнѣйшими видами туземной школы, съ *мактабомъ* и *мадрасой*, и начнемъ, конечно, съ перваго.

М а к т а б ъ.

✓ *Мактабъ* (иначе *мактабъ-хана*), какъ уже было замѣчено выше, есть начальная школа грамотности.

Мактабы имѣются какъ въ городахъ, такъ равно въ *кишлакахъ* (селеніяхъ) и въ аулахъ кочевого населенія.

¹⁾ Учащіеся въ мадрасахъ называются *муллами*.

Въ громадномъ большинствѣ случаевъ мактабъ открывается при мечети ея прихожанами, при чемъ учебныя занятія производятся или въ самой послѣдней, или въ особыхъ кельяхъ, имѣющихся при многихъ, особенно городскихъ мечетяхъ. Рѣже, главнымъ образомъ въ городахъ, гдѣ много грамотнаго люда, ищущаго заработка, мактабъ открывается частнымъ лицомъ на свой страхъ; такіе мактабы по большей части помѣщаются въ домахъ открывающихъ ихъ учителей. Наконецъ, въ наиболѣе рѣдкихъ случаяхъ, мактабъ открывается при мадрасѣ или при кары-ханѣ.

Женскіе мактабы, сравнительно малочисленные, въ большинствѣ случаевъ помѣщаются въ домахъ открывающихъ ихъ учительницъ (агунъ). Иногда подъ такую школу уступаетъ комнату на внутреннемъ дворѣ какая нибудь богатая семья, въ которой имѣются дѣвочки школьнаго возраста.

Въ школахъ, состоящихъ при мечетяхъ и представляющихъ собой, какъ мы уже замѣтили, преобладающій типъ, на должность учителя приходомъ приглашается *имамъ*¹⁾ или *азанчи* (*мудзинъ*) данной мечети, а въ случаѣ ихъ отказа, неспособности или другихъ какихъ-либо причинъ, постороннее лицо.

Въ городахъ *дамулла* (учитель) условленной платы по большей части не получаетъ. По четвергамъ каждый ученикъ (*шакирдъ*, *шакирдъ-бала*) приноситъ ему такъ называемый *пейшамбаликъ* (*пейшамба* — четвергъ) — деньги, хлѣбъ, муку, рисъ и т. п., — размѣры котораго зависятъ отъ благосостоянія той семьи, къ которой принадлежитъ учащійся. Кромѣ того, по окончаніи каждаго особаго отдѣла выучки, т. е. механическаго прочтенія той или другой книги, *дамулла* получаетъ отъ родителей небольшіе подарки; а ежегодно, передъ наступленіемъ праздника *Рамазана*, школьники (во многихъ мѣстностяхъ Туркестанскаго края) ходятъ вечеромъ по своему приходу *славить* и все собранное отдаютъ своему учителю. Этотъ обычай ведется теперь главнымъ образомъ въ кишлакахъ и называется *рамазанлыкъ*.

Въ отдаленныхъ отъ городовъ кишлакахъ, гдѣ грамотныхъ людей сравнительно мало, трудъ *дамуллы* оплачивается лучше и всегда почти зерновымъ хлѣбомъ.

Число учениковъ мактаба рѣдко бываетъ больше 30 (въ возрастѣ отъ 5 до 15 лѣтъ); иногда оно нисходитъ до 10 и даже до 5 чело-вѣкъ. Учитель по большей части одинъ: но иногда, при большомъ числѣ учащихся, онъ выбираетъ себѣ помощниковъ изъ лучшихъ

¹⁾ *Имамъ* — настоятель мечети, приглашаемый на эту должность прихожанами. Имамомъ можетъ быть каждый взрослый мусульманинъ, обладающій достаточнымъ знаніемъ вѣро-устава.

старшихъ учениковъ, приблизительно по одному на десять. Такой помощникъ *дамуллы* называется *халифа* (или *халпа*).

Отецъ, или какой-либо родственникъ, приводитъ мальчика въ школу, къ учителю, вручивъ которому незначительный подарокъ, обращается къ нему приблизительно съ такой рѣчью: «*таксырь*¹⁾», мы поручаемъ вамъ нашего ребенка. Учите его и бейте; если вы даже и убьете его, мы не будемъ на васъ въ претензіи, ибо побои учителя лучше ласкъ родителей. Мясо ваше; кости наши».

Большинство учителей пользуется даннымъ имъ родителями правомъ самымъ широкимъ образомъ. Въ свое время мы знали не мало дѣтей, въ буквальномъ смыслѣ слова бѣжавшихъ изъ мактаба потому только, что они не могли вынести методичности учительскаго битья, въ особенности же по головѣ. Есть, конечно, учителя, гуманное обращеніе которыхъ съ дѣтьми не оставляетъ желать ничего лучшаго; но въ общемъ битье распространено очень сильно. У многихъ существуетъ даже увѣренность, что безъ этой мѣры никакого проку отъ ученія не будетъ и не можетъ быть.

Обученіе или, вѣрнѣе, выучка начинается съ того, что *дамулла* беретъ вновь поступившаго ученика за руку и заставляетъ его повторять за собой непонятныя для мальчика арабскія слова первой *суры* корана, заучивъ которыя наизусть (всего нѣсколько строкъ), переходятъ къ заучиванію буквъ арабскаго алфавита, для чего буквы пишутся учителемъ на деревянной дощечкѣ (или жестяной пластинкѣ) съ ручкой. Такая дощечка называется *ляхъ* (*لوح*), что въ переводѣ съ арабскаго значитъ скрижаль. Послѣ того, какъ мальчикъ усвоитъ всѣ буквы, переходятъ къ складамъ (*хиджъ*) по способу «буки азъ ба», что въ значительной мѣрѣ осложняется еще и слогами съ титлами.

Заучиваніе буквъ и зубреніе слоговъ продолжается, смотря по возрасту и способностямъ ученика, отъ 3 мѣсяцевъ до года.

Послѣ слоговъ переходятъ къ *лафтіяку*, представляющему собою часть корана. По этой книжкѣ мальчикъ выучивается механически и безсознательно разбирать непонятныя ему арабскія слова. (Иногда механически же прочитывается весь коранъ).

Послѣ *лафтіяка* переходятъ къ *чаркитѣбу* (на персидскомъ языкѣ, непонятномъ для учениковъ тюрковъ), сборнику выдержекъ изъ шариата, преимущественно по части религіознаго права. *Чаркитѣбъ* проходится или, вѣрнѣе, заучивается такъ же механически, какъ и *лафтіякъ*. Въ день разбирается по нѣскольку строкъ, при чемъ *дамулла* учитъ одной только правильности произношенія прочитаннаго текста.

Послѣ *чаркитѣба* въ разныхъ школахъ въ разной послѣдовательности, но все тѣмъ же, чисто механическимъ способомъ, прочитыва-

¹⁾ *Таксырь* — господинъ.

ются *Ходжа-Хафизъ, Бидиль, Суфи-Алла-яръ, Фазули* и др. Это все сборники стихотворений, написанных одни на персидскомъ, а другіе на тюркскомъ языкѣ и совершенно неприспособленныхъ къ дѣтскому пониманію.

Къ письму переходятъ лишь послѣ того, какъ учащійся достаточно освоится съ механическимъ чтеніемъ. Однако же не надо думать, что мальчикъ выучивается въ мактабѣ писать; онъ выучивается лишь выводить буквы и только въ рѣдкихъ случаяхъ можетъ написать подѣ диктовку самую простенькую фразу, и то съ массою ошибокъ.

Четыремъ правиламъ ариметики въ очень немногихъ мактабахъ, въ видѣ исключенія, обучаются лишь наиболѣе способные изъ старшихъ учениковъ.

Старшіе и наиболѣе грамотные ученики, и то опять-таки не во всѣхъ мактабахъ, получаютъ свѣдѣнія по части совершенія омовеній и намазовъ. Эта религіозная сторона обученія въ мактабѣ слабѣе всѣхъ прочихъ; учащіеся гораздо болѣе воспринимаютъ здѣсь по части правилъ уставной мусульманской вѣжливости или, вѣрнѣе сказать, наружной почтительности, что является до нѣкоторой степени необходимой подготовительной ступенью къ переходу въ мадраса, гдѣ складываніе рукъ на животѣ, напусканіе на себя смиренного вида, опусканіе глазъ долу и дѣланная мягкость и даже слащавость рѣчи зачастую доводятся до степени значительной приторности.

Обученіе въ мактабѣ продолжается отъ 2 до 5 лѣтъ. Занятія производятся ежедневно, за исключеніемъ пятницъ и двухъ годовыхъ праздниковъ, *Рамазана* и *Курбана*. Иногда, по соглашенію съ родителями, дѣти мѣсяца на два распускаются на каникулы.

Ученики собираются рано утромъ, вскорѣ послѣ восхода солнца; за часъ или за два до полудня ихъ отпускаютъ домой завтракать; въ полдень они собираются снова и сидятъ еще часа два, а то и до вечера.

Въ мактабѣ, какъ это принято вообще у туземцевъ, ученики сидятъ на полу въ рядъ вдоль стѣны; старшіе по большей части у стѣны, противоположной входной двери, а младшіе ближе къ послѣдней, раздѣляясь на *джамъа*, т. е., группы соучащихся, заучивающихъ одно и тоже мѣсто одной и той же книги.

Съ каждой такой группой учитель занимается отдѣльно. Эти занятія производятся такимъ образомъ. Учитель садится противъ данной группы и читаетъ одну или нѣсколько строкъ разучиваемаго текста. Мальчики, мѣрно покачиваясь туловищемъ впередъ и назадъ, очень громко, нараспѣвъ вторятъ ему, слѣдя глазами по книгѣ, а ухомъ за произношеніемъ *дамуллы*. Когда послѣдній убѣдится въ томъ, что всѣ ученики данной группы достаточно правильно произносятъ показанный имъ строки, онъ предоставляет имъ самимъ долбить это далѣе, безъ

конца выкрикивая одно и тоже, а самъ переходитъ къ слѣдующимъ. Такимъ образомъ всѣ ученики выкрикиваютъ во весь голосъ, то что каждому изъ нихъ задано учителемъ. Младшіе, учащие склады, тоненькими дискантами, но очень громко пищатъ: *«бе алифъ-ба, не алифъ-па, те алифъ-та...»*.

Учащие Хаджи-Хафиза, средніе по возрасту, но крайніе по шаловливости, шипля другъ друга, жуя лепешки и вырывая ихъ изъ рукъ другъ друга, и при этомъ неистово раскачиваясь, кричатъ: *«йзм-и-дидар-и-ту дорад джан бар лѣб омадъ боз гардад я барун ровад чи ист фирман-и-шумъ»*. Въ это же время сидящіе съ Суффи-Алла-яркомъ громче другихъ орутъ: *«ожаланнѣмъ узрѣ бир купрюк прур ѣх ушѣл купрюк сырѣт отлик узар ѣх...»* Одинъ изъ шалуновъ, доканчивая строфу Хаджи-Хафиза *«чи ист фирман-и-шумъ»* и озираясь на сидящаго поодаль дамуллу, хотѣлъ было откусить кусокъ лепешки, но въ это самое время его сосѣдъ съ лѣвой стороны ловкимъ движеніемъ вырвалъ ее у него изъ рукъ и жадно вѣпилъ въ нее зубами. Завязалась драка, немедленно привлекая къ себѣ вниманіе бдительнаго и чуткаго педагога. Раздался его оглушительный крикъ: *«уку! э!»* (читай! эй!), и конецъ длинной, тонкой, но очень крѣпкой палочки звонко ударился о головы шалуновъ.

Даже и при благопріятныхъ условіяхъ, кончая курсъ въ мактабѣ, туземный мальчикъ пріобрѣтаетъ умѣнье механически читать тѣ лишь книги, по которымъ онъ учился (другія книги разбираются имъ съ громаднымъ трудомъ), и выводить буквы или списывать съ оригинала. Въ противномъ случаѣ мальчикъ (или даже юноша) оставляетъ школу съ званіемъ *чаламуллы*, неполнѣ грамотнаго, умѣющаго только читать, или же, наконецъ, уходитъ оттуда, унося лишь смутныя воспоминанія о существованіи какихъ-то замысловатыхъ крючковъ, точнаго смысла и значенія которыхъ постигнуть ему не удалось.

Даже при поверхностномъ ознакомленіи съ туземнымъ бытомъ, бросается въ глаза то обстоятельство, что на ряду съ громаднымъ количествомъ мактабовъ, мы находимъ среди туземцевъ еще болѣе громадное число неграмотныхъ.

Это объясняется, во-первыхъ, такъ сказать, органическими свойствами ихъ школъ грамотности; а, во-вторыхъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что знанія, выносимыя изъ мактаба (даже при благопріятныхъ условіяхъ), представляются почти непримѣнимыми къ потребностямъ обыденной жизни, а потому съ наибольшимъ успѣхомъ могутъ эксплуатироваться лишь въ качествѣ подготовительнаго курса для поступленія въ мадраса, куда попадетъ сравнительно ничтожная часть бывшихъ школьниковъ. Большинство остальныхъ, вернувшись къ обычнымъ занятіямъ своихъ семей, не находятъ занимательнымъ для себя механи-

ческое перечитываніе давно опостылѣвшаго Хафиза или Бидыля, за-
бываютъ тѣ скудные начатки грамотности, которые они успѣли унести
изъ мактаба, и мало по малу возвращаются въ первобытное состояніе,
совершая это съ тѣмъ большей легкостью, что доступныхъ для своего
пониманія книгъ на родномъ языкѣ не находятъ ни въ частныхъ би-
бліотекахъ, ни въ книжныхъ лавкахъ на базарѣ.

Мадраса.

Благоустроенное *мадраса* имѣетъ видъ правильнаго четырехуголь-
ника, огороженнаго высокой, въ нѣсколько сажень, кирпичной стѣ-
ной, къ внутренней сторонѣ которой вплотную, безъ промежутковъ
между ними, пристраиваются: *Худжра*, очень маленькія обыкновенно
кели, въ которыхъ помѣщаются учащіеся (*муллы*), а иногда и пре-
подаватели (*мударрисы*), если ихъ много и если они проживаютъ въ
самомъ мадраса; *дарсъ-ханъ*, классная комната (иногда ихъ бываетъ двѣ
или даже нѣсколько), и, наконецъ, мечеть.

По срединѣ двора, который въ хорошо устроенныхъ мадрасахъ
всегда вымощивается кирпичемъ, обыкновенно имѣется, такъ-называемая,
тааратъ-ханъ, маленькая комнатка для производства установленныхъ
религіей омовеній; а за наружной стѣной зданія иногда устраивается
баня, въ которой тѣже омовенія производятся въ зимнее время.

Передній фасъ наружной стѣны принято украшать куполомъ, вѣн-
чающимъ входъ въ мадраса. Часто по угламъ того же передняго фаса
воздвигаются небольшія башенки, иногда служащія вмѣстѣ съ тѣмъ и
минаретами. Кровли келій, классныхъ комнатъ и мечетей въ лучшихъ
мадраса сводчатая, кирпичная.

Средніе размѣры келій, въ которыхъ обыкновенно помѣщается отъ
3 до 5 муллъ, рѣдко превосходятъ 4×6 арш., зачастую нисходятъ до 3×4.

Двери и окна келій выходятъ во внутренній дворъ мадраса. Впро-
чемъ, окна зачастую совсѣмъ не дѣлаются; ихъ замѣняютъ дверными
фрамугами, которыя на зиму оклеиваются тонкой бумагой.

Печей въ кельяхъ нѣтъ; для варки пищи (въ каждой кельѣ) есть
мури, каминъ съ прямой незакрывающейся трубой. Обогреваются, если
у обитателя данной *худжры* имѣются средства для приобрѣтенія угля,
у такъ-называемаго *санділя*. *Сандаль* устраивается такъ: въ глинобит-
номъ полу комнаты выдѣляется *аташ-данъ*, углубленіе, въ которое
кладутся прогорѣвшіе (не пылающіе), но горячіе еще угли; надъ углями
ставится *сандаль*, табуретъ, который сверху покрывается большимъ ват-
нымъ одѣяломъ; подъ одѣяломъ скопляется нагрѣтый воздухъ, въ
которомъ грѣютъ ноги, а отчасти и руки, подсовывая ихъ подъ одѣяло.

Въ кельяхъ всегда почти тѣсно, темно, а зимой холодно и не-
рѣдко сыро.

Еще болѣе темно, холодно и сыро въ *дарсъ-ханъ*, въ классной ком-
натѣ, которая въ большомъ мадраса представляетъ собою сравнительно
просторную сводчатую комнату (10×10, а иногда и болѣе) съ кир-
пичнымъ поломъ, съ такой же маленькой двустворчатой дверью, какъ
и въ кельяхъ и съ еще болѣе, чѣмъ въ кельяхъ, бѣднымъ освѣще-
ніемъ, ибо при тѣхъ же почти средствахъ свѣтоснабженія, объемъ
освѣщаемого пространства здѣсь гораздо больше.

Находящаяся при каждомъ мадраса мечеть, помѣщаясь между кель-
ями, какъ и всѣ вообще туземныя мечети, имѣетъ видъ галереи или
террасы, открытой со стороны противоположной *кыблѣ*, т. е., той сто-
ронѣ свѣта, обращаясь къ которой мусульмане молятся.

Такимъ образомъ своимъ внѣшнимъ видомъ мадраса болѣе всего
напоминаетъ монастырь, на который встарину оно походило еще и мно-
гими особенностями своей внутренней жизни.

Вышеописанный видъ, какъ уже было замѣчено, имѣютъ лишь
большія, благоустроенныя мадраса. Малыя мадраса, значительная часть
которыхъ особымъ благоустройствомъ не отличаются, представляютъ
много отступленій отъ основнаго типа этихъ построекъ; а именно:
внутренній дворъ имѣетъ болѣе или менѣе неправильную форму
и не мощенъ; мечеть помѣщается не подъ одно съ кельями, стоитъ
особо отъ нихъ и въ строительномъ отношеніи не имѣетъ съ ними
ничего общаго; кровли не сводчатая, а деревянная, крытая глиной;
во дворѣ помѣщается прудъ, обсаженный деревьями, что всегда
имѣется при мечетяхъ, но никогда почти не встрѣчается на внут-
реннихъ мощеныхъ дворахъ большихъ мадраса; входомъ въ такія
малыя мадраса служатъ крытые туземные ворота, а не сводчатый пор-
тикъ съ куполомъ; фасы внутреннего двора обыкновенно не сплошь
застроены.

Устройство мадраса и снабженіе его *вакфомъ*, т. е. доходнымъ иму-
ществомъ считалось и считается *савабомъ*, богоугоднымъ, душеспаси-
тельнымъ дѣломъ, за совершеніе котораго въ будущей жизни пред-
стоитъ награда.

Послѣдняя всегда была приманкой, привлекавшей состоятельныхъ
лицъ къ сооруженію зданія для мадраса и снабженію послѣдняго ва-
куфнымъ имуществомъ. Строителями нѣкоторыхъ изъ этихъ школъ
были ханы и эмиры; но въ данномъ случаѣ они являлись въ роли
частныхъ лицъ, ибо считалось, что мадраса учреждалась на ихъ лич-
ныя, а не на государственныя средства.

Подъ именемъ *вакфа* шаріатъ разумѣетъ имущество, доходы съ ко-
торого на вѣчныя времена посвящаются въ пользу какого-либо бого-

угоднаго учрежденія или дѣла, при чемъ имущество, обращенное въ вакфъ, перестаетъ быть достояніемъ жертвователя.

То юридическое лицо, въ пользу котораго учреждается вакфъ, должно быть неунчтожаемымъ. Оттого вакфъ обыкновенно жертвуется въ пользу или какого-либо богоугоднаго и общепользнаго учрежденія (школа, мазаръ, мостъ и т. п.), или лица съ его потомствомъ, или въ пользу цѣлаго класса лицъ, какъ напр., бѣдныхъ.

Такимъ образомъ вакфъ учреждается на вѣчныя времена, а потому считается вѣчнымъ, неунчтожаемымъ; въ случаѣ же уничтоженія того юридическаго лица, въ пользу котораго былъ учрежденъ данный вакфъ, послѣдній долженъ быть переданъ другому подобному же юридическому лицу съ тѣмъ однако же условіемъ, чтобы съ мусульманской точки зрѣнія это второе назначеніе было бы богоугоднымъ такъ же, какъ и первое.

Въ виду того, что вакфъ учреждается на вѣчныя времена, слѣдуетъ заботиться о возможномъ охраненіи его; поэтому доходы съ даннаго вакфа прежде всего (по мѣрѣ дѣйствительной необходимости), должны расходоваться на поддержаніе самого вакуфнаго имущества; остающаяся затѣмъ часть обращается на опредѣленную жертвователемъ цѣль.

Если данный вакфъ почему-либо перестаетъ давать доходъ, онъ можетъ быть проданъ, а на вырученные отъ этой продажи деньги должно быть приобретено новое имущество, по возможности эквивалентное прежнему.

По мнѣнію имѣма Абу-Халифы въ вакфъ можно обращать только недвижимыя имущества, а изъ движимыхъ лишь лошадей и оружіе, какъ предметы необходимые при веденіи священныхъ войнъ. Другіе мусульманскіе богословы и юристы этого мнѣнія не раздѣляютъ. До послѣдняго времени въ Средней Азіи въ вакфъ обращались: пахотныя земли, сады, каравансарай, лавки, бани, мельницы, крупорушки, дома, деньги, книги, земледѣльческій инвентарь.

Право на владѣніе или, вѣрнѣе, на пользованіе доходами съ вакфъ укрѣпляется за даннымъ юридическимъ лицомъ такъ-называемой *вакфъ-намой*, грамотой, въ которой значатся: имя учредителя вакфа и время учрежденія послѣдняго; границы завѣщанной земли и ея количество; число обращенныхъ въ вакфъ лавокъ, каравансараявъ и пр., съ подробнымъ указаніемъ мѣста нахожденія каждаго такого имущества; указаніе того, кто долженъ избираться на должность мутавалліа, завѣдывающаго вакфомъ; порядокъ эксплуатаціи вакфа, и порядокъ расходовація поступающихъ съ него доходовъ.

Вакфъ-нама, хотя бы даже и данная ханомъ или эмиромъ, должна быть засвидѣтельствована каріемъ.

Въ большей части мадраса Туркестанскаго края раздѣлъ вакуфнаго дохода производится нижеслѣдующимъ образомъ: прежде всего, по мѣрѣ дѣйствительной надобности, выдѣляется сумма, необходимая для производства ремонта (*шикаст-у-рихтъ*) какъ самаго зданія мадраса, такъ равно и вакуфныхъ построекъ; $\frac{1}{10}$ остатка (*товліятъ*) поступаетъ въ пользу мутавалліа, а $\frac{1}{3}$ или $\frac{1}{4}$ того же остатка (*мадрасъ*) въ пользу мударриса или мударрисовъ, если ихъ нѣсколько; остальное дѣлится между муллами (учащимися), имѣмомъ и азанчіемъ, находящимся при мадраса мечети, циркульникомъ и дворникомъ, при чемъ въ большей части мадрасъ ученикъ старшаго класса (*ала*) получаетъ вдвое болѣе ученика средняго (*аусатъ*), а этотъ послѣдній вдвое болѣе ученика младшаго класса (*адна*).

Отъ поступающаго въ мадраса требуется одно лишь умѣнье механически читать. Поэтому юношамъ, приходящимъ издалека и неизвѣстнымъ мударрису, иногда, въ случаѣ какихъ-либо сомнѣній, производится испытаніе въ умѣньи читать и писать.

Въ мадрасѣ, какъ и въ мактабѣ, продолжительность прохожденія полнаго курса не опредѣлена, а самый курсъ раздѣляется на отдѣлы, состоящіе въ изученіи одной или нѣсколькихъ книгъ, перечисленіе которыхъ будетъ слѣдано ниже, при чемъ въ мадрасѣ учащіеся уже неограничиваются однимъ только механическимъ чтеніемъ проходимыхъ здѣсь по большей части арабскихъ книгъ: мударрисъ объясняетъ имъ содержаніе прочитаннаго текста, весьма часто заучиваемаго наизусть, дѣлая при этомъ подстрочный переводъ на тюркскій или таджикскій языкъ.

Такимъ образомъ, по мѣрѣ прохожденія все большаго и большаго числа книгъ, ученики мадраса попутно съ этимъ приобретаютъ все большія и большія знанія арабскаго языка, ибо тѣ объясненія прочитываемаго арабскаго текста, которыя даются мударрисомъ, служатъ вмѣстѣ съ тѣмъ и упражненіями въ переводахъ съ арабскаго языка на тюркскій или таджикскій, смотря по тому, на которомъ изъ нихъ даются объясненія.

По установившемуся обычаю прохожденіе учебнаго курса въ мадрасѣ начинается изученіемъ такъ-называемаго *авваль-и-ильмъ* (начало науки). Это нѣчто въ родѣ краткаго мусульманскаго катехизиса (4—5 страницъ небольшого формата), изложеннаго на персидскомъ языкѣ въ вопросахъ и отвѣтахъ такъ же, какъ и нѣкоторыя другія книги, проходимыя въ мадрасѣ.

Авваль-и-ильмъ выучивается наизусть въ теченіе нѣсколькихъ дней, послѣ чего приступаютъ къ прохожденію самаго курса, первый отдѣлъ котораго грамматическій. А именно, при изученіи книгъ *сына* (*صیغه*), *занджани* (*نچانی*), *ихляль* (*اعلال*), *музи* (*معزی*), *авамили* (*عوامل*) и *хара-*

катъ (حرکات), изъ коихъ первая только на персидскомъ языкѣ, а остальные на арабскомъ, учащіеся знакомятся съ частными отдѣлами арабскихъ этимологіи и синтаксиса.

Ознакомившись съ перечисленными книгами (всѣ онѣ очень невелики и, кромѣ того, нерѣдко ихъ проходятъ съ большими пропусками), переходятъ къ систематическому учебнику арабской грамматики, называемому *капія* (или правильнѣе *кафія*—*کافیہ*), послѣ чего знакомятся съ книгой *шарх-мулла* (شرح ملا), представляющей собою комментарий къ вышеуказанной *капія*.

Изученіе вышеуказанныхъ книгъ зачастую длится года три, причемъ учащіеся за это время успѣваютъ настолько освоиться съ арабскимъ языкомъ, что получаютъ возможность безъ особаго труда слѣдить за послѣдующими отдѣлами курса.

(Прохождение перваго, грамматическаго, отдѣла учебнаго курса мадраса считается совершенно необходимымъ по арабской поговоркѣ—*الصراف العلم والنحو ابوها*,—что значитъ: этимологія мать наукъ, а синтаксисъ отецъ ихъ).

Вмѣстѣ съ тѣмъ никто и не думаетъ о систематическомъ изученіи тюркского языка, на которомъ говорятъ, и персидскаго, на которомъ читаютъ и пишутъ. Оттого нерѣдки случаи, когда образованный по своему туземецъ, очень безграмотно пишетъ на своемъ родномъ языкѣ. Такія пренебрежительныя отношенія къ родному языку вошли въ привычку, и даже сложилась поговорка, гласящая о томъ, что *توری نجاست* и *لسان و بی شرافت لسان فارسی قباح*—арабскій языкъ святыня; персидскій—гадость, а тюркскій—нечисть).

Далѣе общепринятый въ мадрасахъ учебный курсъ распадается на два отдѣла: общеобразовательный—*мушкалятъ* (مشکلات) и юридическій—*масалья* (مسئله).

Желающіе получить возможно болѣе полное образованіе одновременно изучаютъ и мушкалятъ и масалья. Муллы съ среднимъ, такъ сказать, спросомъ на ученость предпочитаютъ мушкалятъ. Муллы кшлячныхъ (сельскихъ) мадрасъ, готовящіеся къ роли мелкихъ деревенскихъ книжниковъ, а равно всѣ тѣ, кто не рассчитываетъ идти когда-либо далѣе имамъ мечети, изучаютъ только масалья, при чемъ въ большинствѣ случаевъ проходятъ лишь незначительную часть полнаго курса, а именно, одну лишь книгу *мухтасаръ-уль-викая* (см. ниже) или даже первую часть этой книги, гдѣ говорится объ омовеніяхъ, молитвѣ, постѣ, *закатъ* (уставная мусульманская подать) и *хаджъ* (паломничество въ Мекку).

При прохожденіи общеобразовательнаго курса (мушкалятъ), учащіеся знакомятся съ нижеслѣдующими книгами:

- 1) *Шамсія* (شمسیه)—логика.

- 2) *Хашія* (حاشیه)—добавленія и комментаріи къ предыдущей книгѣ.

- 3) *Акаидъ* (عقاید)—догматика.

- 4) *Талзибъ* (تہذیب)—діалектика.

- 5) *Хикмат-уль-айнъ* (حکمت العین)—книга метафизическаго содержанія, въ которой, между прочимъ, имѣется отдѣлъ астрологіи и космографіи.

- 6) *Мулла-Джалаль* (ملا جلال)—частью логика, а частью богословіе.

- 7) *Тавзихъ* (توضیح)—изложеніе свѣдѣній о коранѣ, о *хадисахъ* (каноническія преданія), о соборныхъ рѣшеніяхъ (*иджма*) и о такъ-называемыхъ *кыясъ* (аналогіи, допускаемыя при рѣшеніи богословскихъ и юридическихъ вопросовъ).

- 8) *Мушкат-и-Шарифъ* (مشکات شریف)—каноническія преданія (*хадисъ*).

- 9) *Тафсир-и-казы-и-Байзави* (تفسیر قاضی بیضاوی)—объясненія къ корану.

Слѣдуетъ однако же имѣть въ виду, что въ настоящее время въ мадрасахъ Туркестанскаго края, за исключеніемъ лишь нѣкоторыхъ кокандскихъ мадрасъ, вышеизложенная программа выполняется очень рѣдко; нынѣ громадное большинство муллъ уходитъ изъ мадрасы, познакомившись лишь съ книгами: *Шамсія*, *Хашія*, *Акаидъ* и *Хикмат-уль-айнъ*. Книгу *Талзибъ* или совсѣмъ не проходятъ, или же проходятъ очень сокращенно (зачастую всего какихъ-нибудь 2—3 страницы). Книги *Мулла-Джалаль* и *Мушкатъ-и-шарифъ* изучаются лишь очень и очень немногими.

При прохожденіи юридическаго курса (масалья), учащіеся знакомятся съ книгами:

- 1) *Фикх-и-кайдани* (فقه کیدانی)—ученіе о дѣяніяхъ безусловно и условно обязательныхъ, одобрительныхъ, неодобрительныхъ и запрещенныхъ.

- 2) *Мухтасаръ-уль-викая* (مختصر الوقایه)—краткое изложеніе религіознаго и государственнаго права.

- 3) *Шарх-уль-викая* (شرح الوقایه) и

- 4) *Хидая-и-шарифъ* (هدایة شریف) содержатъ въ себѣ подробный разборъ тѣхъ вопросовъ (и ихъ частныхъ), которые вкратцѣ разсматриваются въ книгѣ *Мухтафасаръ-уль-викая*.

Полный курсъ масалья проходятъ тѣ только, кто рассчитываетъ со временемъ занять должность *казія*, *муфтія* или *аглыа*, или же почему-либо считаетъ необходимымъ для себя болѣе или менѣе обстоятельное знакомство съ мусульманской юриспруденціей.

Кромѣ тѣхъ книгъ, которыя выше были уже перечислены нами и изученіемъ которыхъ исчерпывается обычная, такъ сказать, уставная

учебная программа мадраса, иногда, по желанію муллы и съ согласіи мударрисовъ, учащіеся приватно знакомятся еще съ главнѣйшими персидскими мѣстными поэтами, а также съ восточной медициной, географіей и проч. ¹⁾.

Дѣтьми эти муллы маялись въ мактабѣ надъ преодоленіемъ трудностей механическаго чтенія стиховъ Хафиза, Фузули или Бидыли. Теперь, въ мадрасѣ, они маятся надъ преодоленіемъ трудностей пониманія безконечнаго числа запутанныхъ и туманныхъ мѣстъ у такихъ поэтовъ-мистиковъ, какъ Бидль, Тамси-тавриз, Низами, Ахмадъ-Ясави, Миръ-Али-Ширъ и т. п., гдѣ отдаленные намеки, метафоры, метафизика всякаго рода и, наконецъ, масса отступленій отъ грамматическихъ нормъ дѣлаютъ пониманіе многихъ произведеній этихъ авторовъ малодоступнымъ не только для учащейся молодежи, но даже и для лицъ, обладающихъ въ этомъ отношеніи большою сравнительно опытностью.

По издревле установившемуся обычаю ученики мадрасъ дѣлятся на три разряда или класса: младшій—*адна*, средній—*аусат* и старшій—*алла*.

Въ младшемъ классѣ или разрядѣ муллы числятся до изученія ими книги *Акаидъ* (см. выше перечисленіе книгъ, проходимыхъ въ мадрасѣ); въ среднемъ—отъ изученія *Акаидъ* до перехода къ книгѣ *Мулла-Джалаль*. Начавъ изучать эту послѣднюю, они получаютъ званіе *алла*.

Продолжительность пребыванія въ каждомъ изъ трехъ классовъ или разрядовъ не опредѣлена ни обычаемъ, ни какими-либо правилами и находится въ зависимости отъ успѣшности прохожденія книгъ, положенныхъ для каждаго класса. Такъ, напр., для младшаго класса этотъ срокъ колеблется отъ 3 до 10 лѣтъ. Въ мѣстѣ съ тѣмъ раньше нерѣдко наблюдались случаи, когда особенно ревностные муллы, исходя изъ того представленія, что наука есть неисчерпаемое море, оставались въ своей alma mater до преклонныхъ лѣтъ, продолжая изучать богословіе и право по книгамъ, не входящимъ въ учебную программу мадрасъ и зачастую кончая свою жизнь въ стѣнахъ послѣдняго.

Та медленность, съ которой положенныя по программѣ книги проходятся учениками туземныхъ мадрасъ, зависитъ главнымъ образомъ отъ крайняго несовершенства туземныхъ способовъ преподаванія и отъ того, что это послѣднее ведется на арабскомъ языкѣ, вообще весьма трудно усваиваемомъ, вслѣдствіе сложности и, если можно такъ выразить, замысловатости его грамматической конструкціи.

Уроки начинаются вслѣдъ за совершеніемъ утренняя намаза, т. е., въ скорѣйшій послѣ восхода солнца.

¹⁾ Занятія по уставной программѣ называются *катта-дѣрсъ*,—большія или главныя лекціи. Приватныя занятія, продолжающіяся иногда и во время лѣтнихъ каникулъ—*кичикъ-дѣрсъ*, малыя лекціи.

Дарсъ-хана, аудиторія (если только за неимѣніемъ таковой занятія не производятся въ одной изъ ученическихъ келій, *худжра*), какъ уже было замѣчено выше, обыкновенно представляетъ собою довольно большую комнату съ кирпичнымъ поломъ, съ маленькой двустворчатой дверью и съ скуднымъ освѣщеніемъ, при чемъ здѣсь, какъ и въ другихъ туземныхъ жилищахъ мебель отсутствуетъ; она замѣняется коврами или кошмами, на которыхъ сидятъ, поджавъ подъ себя ноги. Мударрисъ обыкновенно занимаетъ такъ—называемый *торъ* (تور), почетное мѣсто комнаты; онъ сидитъ на полу, спиной къ стѣнѣ, противъ входной двери, дабы муллы, входя въ *дарсъ-хану* и произнося положенный въ этихъ случаяхъ у мусульманъ *саламъ*, безпрепятственно могли бы привѣтствовать своего учителя еще и пояснымъ поклономъ, отвѣщая который, принято, для выраженія особой почтительности, складывать кисти рукъ на животъ.

Послѣ того какъ мударрисъ войдетъ въ *дарсъ-хану*, займетъ свое мѣсто и кашлемъ или другимъ какимъ-либо знакомъ дастъ знать, что онъ готовъ начать урокъ, въ аудиторію входитъ такъ-называемая *джамаа*, громогласно произнося *саламъ* и кланаясь.

Подъ именемъ *джамаа* (جماعة) разумѣется партія учениковъ, отъ 5 до 20 и болѣе человекъ, изучающихъ одно и тоже мѣсто одной и той же книги. Такихъ *джамаа* у каждаго мударриса бываетъ нѣсколько.

Войдя въ *дарсъ-хану* и выстроившись въ одну или въ двѣ шеренги, муллы садятся въ 3—4 шагахъ противъ мударриса, тоже поджавъ ноги и развернувъ книги на томъ мѣстѣ, на которомъ былъ законченъ предыдущій урокъ.

Книга кладется или прямо на полъ, или на особую низенькую подставку. Дабы уменьшить разстояніе между книгой и глазами, сидятъ нѣсколько согнувшись, а такъ какъ положеніе получается довольно напряженное и утомительное, то, чтобы уменьшить напряжение спинныхъ мышцъ, учащіеся слегка покачиваются всѣмъ корпусомъ впередъ и назадъ.

Одинъ изъ учениковъ данной *джамаа* служитъ чтецомъ, а потому носитъ арабское названіе *кары*. *Кары* читаетъ очередное мѣсто проходимой книги, а мударрисъ, поправивъ произношеніе, объясняетъ, во-первыхъ, значеніе отдѣльныхъ арабскихъ словъ, еще неизвѣстныхъ ученикамъ, а, во-вторыхъ, общій смыслъ прочитаннаго отрывка, при чемъ для лучшаго выясненія мысли, заключающейся въ этомъ отрывкѣ, обыкновенно приводится нѣсколько подходящихъ примѣровъ.

Эта объяснительная часть урока и тѣ пріемы, при посредствѣ которыхъ даются объясненія, у многихъ мударрисовъ не оставляетъ желать ничего лучшаго; если имъ и можно сдѣлать какой-нибудь упрекъ

въ этомъ отношеніи, то развѣ лишь за многорѣчивость и излишество приводимыхъ примѣровъ.

Размѣръ текста, объясняемаго на урокъ, а въ зависимости отъ этого и продолжительность урока зависятъ отъ воли мударриса, который, при добросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу, старается сообразоваться съ силами, способностями и подготовкой учащихся. Вообще же говоря, въ теченіе урока обыкновенно разбирается нѣсколько строкъ и ученіе идетъ крайне медленно, не смотря на то, что большинство муллъ, проходя только мушкилятъ или масаля, въ каждый данный моментъ имѣютъ дѣло съ одной лишь книгой или, иначе говоря, съ однимъ предметомъ преподаванія. Главной причиной такой медленности и относительной малоуспѣшности является то, что изучаемыя книги написаны на чуждомъ для учащихся арабскомъ языкѣ, ознакомиться съ которымъ въ достаточной мѣрѣ большинство успѣваетъ лишь по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, проведенныхъ въ мадрасѣ.

Объ окончаніи урока мударрисъ даетъ знать возгласомъ: «*аллахъ акбаръ*» (великъ Богъ). Ученики встаютъ со своихъ мѣстъ и удаляются, а вмѣсто нихъ въ *дарсъ-хану* входитъ вторая *джамаа*, за ней третья, и т. д. до тѣхъ поръ, пока въ аудиторіи не пребываютъ всѣ муллы, учащіеся у данного мударриса.

Говорятъ, что прежде, когда учениковъ въ мадрасахъ было больше, чѣмъ теперь, учебныя занятія шли отъ восхода солнца до сумерекъ.

Урокъ весьма часто прерывается по самымъ разнообразнымъ поводамъ, каковы: совершеніе намаза, завтракъ, обѣдъ или питье чая, которыя происходятъ тутъ же, въ аудиторіи, приходъ посторонняго лица и т. п. Вообще, *дарсъ-хана* похожа больше на кабинетъ или на квартиру мударриса, чѣмъ на классную комнату, въ которую, по нашимъ понятіямъ, входъ постороннимъ воспрещается.

Эта особенность внутренняго быта мадрасъ производитъ впечатлѣніе простоты, доходящей до халатности, которой, опять таки съ нашей точки зрѣнія, отличается вся вообще общественная жизнь туземца.

Въ младшемъ классѣ, до перехода къ книгѣ *Шарх-мулла*, урокъ обыкновенно начинается повтореніемъ того, что читалось и говорилось наканунѣ, при чемъ эти повторенія въ большинствѣ случаевъ производятся посредствомъ вопросовъ, предлагаемыхъ мударрисомъ.

Послѣ перехода къ книгѣ *Шарх-мулла* — повторенія предыдущаго урока прекращаются, замѣняясь занятіями съ *мукаррирами*, репетиторами, имѣющимися во всѣхъ сколько нибудь значительныхъ мадрасахъ.

Обязанности *мукаррировъ* несутъ обыкновенно или лучшіе ученики старшаго класса, или тѣ изъ окончившихъ уже курсъ мадраса, которые желаютъ этимъ путемъ попасть въ число кандидатовъ на должность мударриса.

Занятія съ *мукарриромъ* идутъ совершенно въ томъ же порядкѣ, какъ и съ *мударрисомъ*. При этомъ считается желательнымъ, чтобы объясненія репетитора были-бы, по возможности, тождественными съ объясненіями мударриса; поэтому часто случается, что муллы, не находя подходящаго *мукаррира* въ своемъ мадрасѣ, идутъ репетироваться или въ чужое мадрасѣ, или даже на домъ къ приватному *мукарриру*.

Выше мы замѣтили уже, что съ переходомъ къ книгѣ *Шарх-мулла* прекращаются повторенія предыдущаго урока. Одновременно съ этимъ по большей части прекращаются и тѣ вопросы, при посредствѣ которыхъ въ началѣ курса мударрисъ убѣждается къ томъ, что объясненное усвоено его учениками.

Далѣе заботы объ этомъ усвоеніи предоставляются самимъ учащимся, а за помощью въ этомъ дѣлѣ имъ рекомендуется обращаться къ *мукарриру*. На обязанности мударриса отнынѣ лежитъ одно лишь объясненіе текста, прочитаннаго на урокъ.

Такъ какъ способности учениковъ, входящихъ въ составъ данной *джамаа*, всегда почти неодинаковы, то часто случается, что въ дѣйствительности за курсомъ слѣдить только часть *джамаа*, т. е. наиболѣе способные и прилежные ученики. Остальные, являясь на уроки мударриса или на занятія съ репетиторомъ, лишь дѣлаютъ видъ что учатся.

Даже въ случаѣ самаго неуспѣшнаго ученія многіе изъ такихъ учениковъ, не оставляя своей *джамаа*, слѣдуютъ за ней до конца. Нерѣдки случаи, когда они, пройдя весь уставной курсъ мадраса à la Гоголевскій Петрушка и не зная ничего изъ пройденнаго, оставляютъ свою *alma mater* со званіемъ *хатмъ кыланъ* (или *хатмъ карда*), т. е. окончившихъ полный курсъ.

Такіе случаи наиболѣе часты между молодыми людьми изъ состоятельныхъ семей; а возможность сказаннаго обусловливается, во первыхъ, тѣмъ, что для многихъ состоятельныхъ туземцевъ нужно не знаніе, а лишь право говорить, что они учились въ такомъ-то мадрасѣ; а, во вторыхъ, отсутствіемъ какой бы то ни было проверки знаній.

Вышеотмѣченные нами медлительность и крайне малая успѣшность учебныхъ занятій въ мадрасахъ зависятъ также и отъ крайней ограниченности учебныхъ дней въ году. Дни недѣли раздѣляются на учебные, *тахсылъ*, и неучебные, *таатылъ*, назначенные на отдыхъ, на повтореніе пройденнаго и на занятія предметами, не входящими въ обычную учебную программу мадрасъ. Учебныхъ дней въ недѣлѣ четыре: суббота, воскресенье, понедѣльникъ и вторникъ; а неучебныхъ три: среда, четвергъ и пятница. Кромѣ того, учебныхъ занятій не бываетъ во время поста, продолжающагося мѣсяцъ, во время двухъ годовыхъ праздниковъ, Рамазана и Курбана, въ общей сложности продолжающихся около двухъ недѣль, и въ теченіе лѣтнихъ каникулъ,

т. е. съ начала мая и по конецъ сентября. Такимъ образомъ учебныхъ дней въ году не болѣе 110. вмѣстѣ съ тѣмъ учащійся обыкновенно беретъ у своего мударриса ежедневно одинъ только урокъ, продолжающійся въ среднемъ не болѣе 1½ часовъ. Поэтому для большинства муллъ количество учебного времени въ теченіе недѣли не превышаетъ 6, а въ теченіе года 165 часовъ. Въ дѣйствительности же для большинства учащихся число учебныхъ часовъ въ году значительно менѣе указанного, ибо не только муллы, но даже и мударрисы весьма часто манкируютъ уроками.

Внутренній бытъ мадраса.

Нельзя, конечно, отрицать того, что особенности внутренняго быта мадрасъ не могутъ не отражаться въ большей или меньшей степени на развитіи въ обучающихся и воспитывающихся здѣсь муллахъ тѣхъ или другихъ нравственныхъ сторонъ. А потому, прежде чѣмъ перейти къ обзору воспитательной части въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, скажемъ нѣсколько словъ о бытѣ муллъ (учащихся), проживающихъ въ мадрасѣ, имѣя въ виду, что нынѣ, со времени учрежденія надъ мадрасами инспекторскаго надзора¹⁾, нѣкоторыя, наиболѣе крупныя шеровхатости этого быта, вродѣ превращенія келій въ ночлежныя пріюты и проч., въ значительной мѣрѣ сглажены стараніями мѣстнаго (русскаго) учебнаго начальства, но что сущность дѣла, зависящая отъ тѣхъ ультра-мусульманскихъ устоевъ, на которыхъ зиждется вся жизнь этой школы, остается такой же, какой она была и во времена ханскаго владычества.

Выше мы сказали уже, что зданіе мадрасъ состоитъ изъ большого или меньшаго числа келій, въ которыхъ живутъ учащіеся (муллы), классной комнаты и мечети, помѣщающейся между кельями.

Въ кельѣ, въ зависимости отъ ея размѣровъ и числа муллъ, проживающихъ въ данномъ мадрасѣ, помѣщается отъ одного до четырехъ учащихся. Въ большинствѣ же случаевъ двое.

Внутренняя обстановка келій по большей части проста до убожества. На земляномъ или кирпичномъ полу постланы циновки, а поверхъ ихъ кошмы, поласы²⁾ или дешевенькіе, обыкновенно сильно

¹⁾ Въ 1890 году была учреждена должность 3-го инспектора народныхъ училищъ Туркестанскаго края, на котораго временно были возложены приведеніе въ полную извѣстность всѣхъ мадрасъ края и завѣдываніе ими; а въ 1896 году всѣ народныя училища края, не включая и туземныхъ, были раздѣлены между инспекторами, при чемъ вмѣсто прежнихъ двухъ раіоновъ было образовано три.

²⁾ Тонкій коверъ безъ ворса.

потертые коврики. Въ углу, на день, сложены плоскія туземныя подушки и ватныя одѣяла, служащія вмѣстѣ съ тѣмъ и матрацами. Въ нишахъ нѣсколько книгъ и деревянный пеналь съ чернильницей и камышевыми перьями. На приступкахъ камина маленькій чугунный котелокъ для варки пищи, мѣдный или чугунный кувшинчикъ, служащій и чайникомъ и умывальникомъ, одна или двѣ небольшихъ плоскихъ чайныхъ чашки и небольшое глиняное или деревянное блюдо.

У очень бѣдныхъ муллъ зачастую нѣтъ даже и этой убогой утвари, за которой они, по мѣрѣ надобности, обращаются къ обитателямъ сосѣднихъ келій.

У очень богатыхъ относительная роскошь выражается въ расписныхъ стѣнахъ и потолкахъ келій, въ дорогихъ коврахъ, въ окованныхъ крашеной жесткой сундукахъ для храненія платья, провизіи, книгъ и проч., помѣщающихся обыкновенно въ одномъ и томъ же сундукѣ и, наконецъ, въ относительномъ обилии болѣе цѣнной и изящной посуды.

Общаго хозяйства въ мадрасахъ нѣтъ. Каждый долженъ самъ заботиться о приобрѣтеніи пищи и одежды, наибольшая часть которыхъ добывается муллами на ихъ собственные средства, ибо лишь въ самыхъ богатыхъ мадрасахъ, которыхъ во всемъ краѣ не болѣе 30¹⁾, мулла младшаго класса получаетъ отъ 10 до 40 рублей въ годъ; въ мадрасахъ, обладающихъ меньшими вакуфными имуществами, эти получки колеблются отъ 1 до 10 рублей, а въ 46 мадрасахъ муллы совсѣмъ не получаютъ, вслѣдствіе или отсутствія вакуфнаго имущества, или такой его ничтожности, при которой общій доходъ мадрасъ не превышаетъ 50 рублей въ годъ, чего не хватаетъ даже на ремонтъ зданія такого мадрасъ.

Итакъ, каждый долженъ самъ заботиться о приобрѣтеніи пищи, одежды и учебниковъ.

Вслѣдствіе этого, особенно въ городахъ, гдѣ недостатокъ въ денежныхъ средствахъ всегда даетъ себя знать гораздо чувствительнѣе, чѣмъ въ кишлакѣ, муллы каждаго почти мадрасъ очень рѣзко дѣлятся на зажиточныхъ и бѣдныхъ, при чемъ эта имущественная разнь сказывается тѣмъ рѣзче, чѣмъ богаче и благоустроеннѣе мадрасъ и чѣмъ большей славой учености пользуются его мударрисы, ибо желающихъ поступить въ такое мадрасъ всегда находится много среди разныхъ слоевъ туземнаго общества.

Эта имущественная разнь муллъ, живущихъ подъ одной кровлей, такъ стара и такъ сильна, что давно уже установилось особое названіе *кашакъ-мулла* (قاشاق مولا), подъ которымъ разумѣются бѣднѣйшіе

¹⁾ Всѣхъ мадрасъ въ Сыръ-Дарьинской, Ферганской и Самаркандской областяхъ около 300.

изъ туземныхъ мусульманскихъ студентовъ, быть коихъ настолько типиченъ, что нельзя обойти его молчаніемъ.

Въ разрядъ *кашакъ-мулла* попадаютъ главнымъ образомъ бѣднѣйшіе новички-муллы, жители отдаленныхъ, глухихъ кишлаковъ, поступающіе въ городскіе мадраса.

Сартъ вообще очень изворотливъ и во многихъ отношеніяхъ похожъ на еврея¹⁾: по городской сартъ по этой части ушелъ гораздо дальше кишлачнаго, котораго онъ чуть не на каждомъ шагу проводить съ изумительнымъ искусствомъ и не меньшей наглостью.

Выросшій за плугомъ кишлачникъ, съ дѣтства слышавшійся объ изумляющихъ деревенщину продѣлкахъ ловкихъ горожанъ, попадая въ такіе мѣстные центры, какъ Кокандъ, Ташкентъ и Самаркандъ, робѣетъ, теряется и, обладая очень малымъ запасомъ знаній и практическаго умѣнья, иначе говоря, будучи вооруженъ неизмѣримо хуже горожанина для городской борьбы за существованіе, легко попадаетъ въ разрядъ пролетаріата, тѣмъ болѣе, что приходя сюда съ специальной цѣлью пріобрѣтенія знаній, требующей, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ, большей усидчивости, онъ почти не имѣетъ времени для постороннихъ занятій.

Вскорѣ же послѣ поступленія въ мадраса, принесенный изъ кишлака скудный запасъ денегъ и продуктовъ, въ родѣ муки, риса и бараньяго сала, истощается; помощь или далека, или ея и совсѣмъ нельзя ожидать, ибо средства семьи очень незначительны,—и вотъ начинаются недоѣданіе, голодовки, поиски кредита и поиски заработковъ, зачастую надолго отвлекающихъ *кашакъ-мулла* отъ занятій науками.

Если есть надежда на полученіе вакуфной стипендіи или денежной помощи изъ дому, муллы обращаются прежде всего къ кредиту: ближайшіе хлѣбники, мясники и мелочные лавочники всегда охотно снабжаютъ ихъ провизіей въ долгъ, до перваго *таксыма*, дѣлежа вакуфнаго дохода между личнымъ составомъ мадраса, что происходитъ въ мадрасахъ, обладающихъ одними только земельными вакфами, разъ въ годъ, въ началѣ зимы, а въ мадрасахъ, имѣющихъ лавки, бани, каравансараи и т. п., или ежемѣсячно, или разъ въ 2—3 мѣсяца.

Если ресурсовъ, въ видѣ вакуфной стипендіи или помощи изъ дому, не имѣется, муллѣ-пролетарію приходится искать заработковъ, изъ которыхъ мы упомянемъ о трехъ наиболѣе характерныхъ.

Въ Туркестанскомъ краѣ лишь въ недавнемъ времени стало за-

¹⁾ Исламъ, возникшій главнымъ образомъ на почвѣ талмуда, заимствовалъ отъ послѣдняго и его крайнюю меркантильность. Поскольку мусульманство можетъ считаться лишь нѣкоторымъ видоизмѣненіемъ иудейства, читатель можетъ усмотрѣть въ статьѣ «Исламъ и Законъ Моисея». Справочная книжка Самаркандской Области, 1898 г., стр. 1—93.

мѣтно развиваться литографское дѣло, при чемъ туземцы предприниматели начали въ большихъ количествахъ издавать главнымъ образомъ тѣ книги, которыя употребляются въ мактабахъ, въ качествѣ учебниковъ, каковы: Чаркшабъ, Суфи-Алла-Яръ и др.

Раньше эти книги, требовавшіяся и нынѣ требующіяся въ очень большомъ количествѣ¹⁾, были всегда рукописными такъ же, какъ и большинство остальныхъ мусульманскихъ книгъ, находящихся въ употребленіи у туземцевъ.

Такимъ образомъ переписка книгъ (на тюркскомъ, персидскомъ и арабскомъ языкахъ) въ очень недавнемъ еще прошломъ представляла собой обширный промыселъ, находившійся въ рукахъ частью специалистовъ—*катибовъ*, обладавшихъ хорошимъ почеркомъ, частью же учащейся молодежи, занимавшихся (и занимающихся) перепиской учебниковъ и другихъ книгъ небольшой сравнительно стоимости.

Нынѣ часть этого заработка отнята у переписчиковъ литографіями, но, вслѣдствіе предпочтенія, отдаваемого туземцами рукописнымъ книгамъ передъ литографированными²⁾ и печатными, переписчики, и среди ихъ и бѣднѣйшіе муллы все еще имѣютъ этотъ заработокъ, размѣры котораго, въ зависимости отъ совершенства почерка, колеблются отъ 15 до 60 коп. въ день.

Въ теченіе девятилѣтняго непрестаннаго общенія съ мадрасами намъ неоднократно приходилось наблюдать случаи, когда пронырливый и низкопоклонный мулла, обладающій скудными матеріальными средствами, пристраивается къ одному изъ наиболѣе состоятельныхъ муллъ своего же мадраса и состоитъ при немъ въ роли чего-то средняго между слугой и прихлебателемъ: подметаетъ келью, покупаетъ провизію, приготавливаетъ пищу и заискиваетъ всѣми способами, за что пользуется даровымъ питаніемъ и, кромѣ того, изрѣдка получаетъ мелкія подачки.

Почти при каждомъ мударрисѣ имѣются такіе же прислужники изъ муллъ, пользующіеся въ этихъ случаяхъ особыми привилегіями и поблажками.

У туземцевъ, такъ же какъ и у насъ, каждый, мнящій себя интеллигентомъ, старательно избѣгаетъ, такъ называемаго, чернаго труда. Въмѣстѣ съ тѣмъ каждый мулла, даже только что поступившій въ мадраса, мнитъ себя принадлежащимъ къ интеллигенціи, къ *аллы-и-фазлъ*, а потому черную работу считаетъ не вяжущейся съ его интеллектуальнымъ достоинствомъ.

¹⁾ Въ Сыръ-Дарьинской, Ферганской и Самаркандской областяхъ учащихся въ мактабахъ считается около 45000.

²⁾ Въ свою очередь лишь графированнымъ книгамъ (*чатна*) отдается предпочтеніе передъ печатными (*басмд*), ибо первыя больше походятъ на рукопись.

Однако же голодъ заставляетъ иногда, такого quasi—интеллигента, еще недавно ходившаго за плугомъ или работавшаго кетменѣмъ въ кишлакѣ, скрѣпя сердце, мириться съ необходимостью черной работы. Но ложный стыдъ мѣшаетъ ему сдѣлать это открыто. Подъ какимъ нибудь подходящимъ предлогомъ онъ уходитъ на нѣсколько дней или даже недѣль изъ мадраса и работаетъ въ качествѣ поденьщика гдѣ нибудь на отдаленной окраинѣ города или въ пригородномъ кишлакѣ, гдѣ его никто не знаетъ.

Такимъ образомъ для большинства муллъ, во время ихъ пребыванія въ мадраса, наиболѣе жгучимъ является вопросъ о средствахъ къ существованію, каковой вопросъ не менѣе жгучъ и для большинства мударрисовъ, по большей части не обладающихъ личными средствами, достаточными для вполне безбѣднаго существованія.

Выше мы упомянули уже о томъ почтеніи, съ которымъ религія обязываетъ мусульманина относиться къ мусульманской наукѣ, къ представителямъ и носителямъ этой науки, которые вмѣстѣ съ тѣмъ считаются и свѣточами мусульманскаго книжническаго правовѣрія.

Въ этомъ-то и лежитъ главнѣйшая нравственная причина тяготѣнія къ мадраса всѣхъ тѣхъ, кто, не имѣя ни крупнаго капитала, ни возможности занять сколько нибудь значительное и доходное служебное мѣсто, желаетъ во что бы то ни стало занять болѣе или менѣе видное общественное положеніе, каковымъ для сложившаго уже чело-вѣка является положеніе *мударриса* (преподавателя въ мадраса), а для вступающаго въ жизнь положеніе *муллы* (учащагося).

Это тяготѣніе къ мадраса, конечно, тѣмъ больше, чѣмъ значительнѣе его вакуфныя имущества и ихъ доходность и чѣмъ больше его слово, какъ разсадника знаній и правовѣрія. Но сложность устанавливающихся такимъ образомъ соотношеній далеко еще не исчерпывается сказаннымъ. Мударрисы избираются муллами; начальство лишь утверждаетъ ихъ въ этихъ должностяхъ. Кромѣ того, при переходѣ отъ одной книги къ другой, а равно и при переходѣ изъ низшаго разряда (или класса) въ слѣдующій высшій, муллы, по возможности, устраиваютъ *зіафатъ* (угощеніе) для мударриса и своихъ *пандарсѣвъ* (соучащихся, товарищей по *джамма*), дѣлая при этомъ мударрису подарки, размѣръ которыхъ зависитъ отъ благосостоянія дарящихъ.

Въ свою очередь мударрисы всегда имѣютъ возможность дѣлать всевозможныя поблажки угоднымъ и полезнымъ для нихъ мулламъ: они потворствуютъ манкированіямъ муллъ уроками; пользуясь отсутствіемъ экзаменовъ и какого либо учебнаго контроля переводятъ ихъ въ старшіе классы, не взирая на совершенную неудовлетворительность знанія пройденной части курса и т. п.

Такимъ образомъ муллы находятся въ нѣкоторой зависимости отъ мударрисовъ, а мударрисы въ зависимости отъ муллъ. Это издавна уже породило цѣлый лабиринтъ весьма сложныхъ соотношеній, далеко не могущихъ назваться нравственными, при чемъ лицепріятіе мударрисовъ всегда парализовало установленіе между муллами того, что мы разумѣемъ подъ именемъ товарищества, а вмѣстѣ съ вышеуказанной зависимостью мударрисовъ отъ муллъ, породило среди послѣднихъ безконечныя интриги, взаимную зависть, наущничество, кляузничество и своеволие, съ которымъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ исторія, приходилось бороться даже бухарскимъ эмирамъ и кокандскимъ ханамъ, при чемъ всего этого тѣмъ больше, чѣмъ больше мударрисовъ въ одномъ и томъ же мадрасѣ, чѣмъ на большее число партій разбиваются его муллы.

Въ мадрасахъ, обладающихъ значительными вакуфными имуществами, мударрисы по большей части находятся во враждебныхъ или, по крайней мѣрѣ, въ недружелюбныхъ отношеніяхъ съ мутавалліями, завѣдывающими вакуфными имуществами, сдающими ихъ въ аренду и представляющими въ мадраса доходы, для раздѣла ихъ между личнымъ составомъ школы, при производствѣ каковыхъ раздѣловъ мутавалліи нерѣдко публично уличаются мударрисами и муллами въ разнаго рода неблагоприятныхъ продѣлкахъ, что заставляетъ такихъ мутавалліевъ искать себѣ сторонниковъ среди старшихъ муллъ, а главнымъ образомъ среди *мукаррифовъ* (репетиторовъ) и младшихъ мударрисовъ, изъ коихъ первые смотрятъ въ мударрисы, а вторые ждутъ лишь удобнаго случая, чтобы изъ младшихъ сдѣлаться старшими.

Въ рѣдкомъ мадраса среди старшихъ муллъ нѣтъ, такъ называемыхъ, *швагар'овъ*, смутьяновъ, вѣчно чѣмъ-нибудь недовольныхъ, вѣчно подстрекающихъ остальныхъ муллъ на разнаго рода выходки и манифестаціи по адресу то мударриса, то мутаваллія, смотря потому, противъ кого въ данное время они имѣютъ *зубъ*.

Если въ мадрасѣ нѣсколько мударрисовъ, то лишь одинъ или два изъ нихъ дѣйствительно исполняютъ лежащія на нихъ обязанности преподавателей. Остальные являются въ мадраса только въ дни раздѣла вакуфныхъ доходовъ.

Мударрисы, проживающіе въ одномъ и томъ же мадрасѣ, нерѣдко всячески дискредитируютъ другъ друга въ глазахъ муллъ, стараясь переманить къ себѣ учениковъ своихъ соперниковъ.

Въ первое время учрежденія надъ мадрасами инспекторскаго надзора, на каждомъ шагѣ констатировались случаи, когда мударрисы бѣдныхъ или безъ вакуфныхъ мадрасъ, благодаря личнымъ связямъ съ мударрисами и мутавалліями относительно богатыхъ школъ того же рода, не взирая на то, что давно уже кончили курсъ, числились уче-

никами этих послѣднихъ, имѣя тамъ кельи и получая вакуфныя стипендіи по званію учениковъ старшаго класса, при чемъ никогда не являлись въ тѣ мадраса, гдѣ числились мударрисами. Обыкновенно они проживали въ тѣхъ мадрасахъ, гдѣ числились муллами и гдѣ, занимая привилегированное положеніе, имѣли отдѣльныя кельи, въ которыхъ обучали муллъ, приходившихъ къ нимъ со стороны и обучавшихся у нихъ за особую плату, при чемъ въ тѣхъ мадрасахъ, гдѣ они числились мударрисами, муллы пользовались лишь кельями, а уроки по необходимости должны были брать у частныхъ мударрисовъ, ибо своихъ мударрисовъ зачастую не знали даже по имени.

Громадное число лицъ, числившихся муллами, имѣвшихъ кельи и получавшихъ изъ года въ годъ вакуфныя стипендіи, никогда не являясь на уроки ¹⁾ и зачастую оставаясь навсегда полуграмотными, занимались своими частными дѣлами, не имѣющими ничего общаго съ изученіемъ шаріата, пользовались кельями лишь какъ ночлежными пріютами.

Лишь въ недавнемъ сравнительно времени учебнымъ начальствомъ былъ упраздненъ совершенно незаконный и идущій въ разрѣзъ съ требованіемъ вакуфныхъ документовъ ²⁾ обычай продажи келій, при которомъ мутавалли и мударрисы за ничтожную сравнительно плату продавали частнымъ лицамъ право *потомственного* пользованія кельей и полученія вакуфной стипендіи, что представляло большія матеріальныя выгоды для покупателей, которые за 100—200 рублей получали право безсрочнаго пользованія кельей и ежегоднаго полученія 20—40 рублей стипендіи.

Мы врядъ ли впадемъ въ преувеличеніе, если скажемъ, что до сего времени мадраса являютъ собой гнѣздилища всевозможныхъ правонарушеній, гнѣздилища интригъ и затаенной взаимной вражды со-членовъ ихъ личнаго состава.

Иногда достаточно самаго незначительнаго повода для того, чтобы эта затаенная вражда превратилась въ вспышку ожесточенной распри съ дракой, съ размазываніемъ по лицу крови, выступившей изъ маленькой царапины, съ умышленнымъ нарушеніемъ порядка въ костюмѣ, съ кляузными, нерѣдко ложными, жалобами и доносами, съ настойчивыми требованіями смѣщенія мударриса и т. п.

Эта мрачная сторона внутренней жизни мадраса не можетъ проходить и не проходить безслѣдно для учащихся и воспитывающихся

¹⁾ По шаріату неявка въ мадраса въ теченіе полугода лишаетъ муллу права на вакуфную стипендію.

²⁾ Всѣ вакуфные документы предоставляютъ право пользованія кельями и полученія вакуфныхъ стипендій лишь тѣмъ мулламъ, которые фактически состоятъ въ числѣ учащихся.

здѣсь муллъ, получающихъ вкусъ и привычку къ интриганству, къ кляузничеству и даже къ лжесвидѣтельству.

Заканчивая этотъ краткій обзоръ внутренняго быта мадраса ¹⁾, скажемъ нѣсколько словъ о каникулахъ. Выше, говоря объ учебной программѣ и способахъ ея выполненія, мы упомянули, между прочимъ, о томъ, что лекціи въ главнѣйшихъ мадрасахъ раздѣляются: *Камта-дарса*, главные лекціи, на которыхъ проходится уставной учебный курсъ, и *Кичикъ-дарса*, малыя лекціи, необязательныя, на которыхъ занимаются предметами, не входящими въ уставную учебную программу, какъ напр., восточная, главнымъ образомъ, персидская литература.

Съ этими необязательными предметами небольшая сравнительно часть муллъ знакомятся частью во время учебнаго семестра, а главнымъ образомъ во время каникулъ, если мударрисы не покидаютъ на это время своихъ мадрасъ.

Въ городахъ, вслѣдствіе ужасающей лѣтней духоты, даже самые ревностные мударрисы бывають принуждены прекращать *Кичикъ-дарса* на время самыхъ сильныхъ жаровъ, что бываетъ въ іюнѣ и въ іюлѣ мѣсяцахъ.

Въ кишлакахъ, особенно же находящихся въ предгорьяхъ, гдѣ лѣтнія температуры гораздо умѣреннѣе и гдѣ не бываетъ особенно душныхъ, истомляющихъ ночей, *Кичикъ-дарса* нерѣдко продолжается въ теченіе всего лѣта, при чемъ муллы городскихъ мадраса, если они вполне располагають своимъ временемъ и желаютъ продолжать свои занятія въ относительно прохладной мѣстности, нерѣдко переселяются на время каникулъ въ кишлачныя (сельскія) мадраса, играющія въ этихъ случаяхъ роль нашихъ дачъ.

Однако же эти муллы составляютъ исключеніе. Большинство или, вѣрнѣе, всѣ, какъ горожане, такъ равно и кишлачники, имѣющіе сады или пашни, разбредаются по-домамъ и въ теченіе всего лѣта занимаются хозяйствомъ. Безземельные бѣдняки, уже прошедшіе первую часть книги *Мухтасар-уль-викая* и обладающіе свѣдѣніями, требующимися отъ имамовъ, спѣша эксплуатировать полученныя ими въ мадраса знанія и заработать что-нибудь на зиму, направляются въ глухіе, удаленные отъ городовъ кишлаки, богатые хлѣбомъ и бѣдные грамотѣями, гдѣ пристраиваются на лѣто или имами мечетей, или учителями мактабовъ, получая свой гонораръ натурою, зерновымъ хлѣбомъ, который, при возможности, они стараются привести съ собой въ городъ, дабы продать его тамъ въ концѣ осени или даже зимой, дождавшись общаго въ это время повышенія цѣнъ на продукты сельскаго хозяйства.

¹⁾ Мы боимся впасть въ дальнѣйшія подробности, ибо въ противномъ случаѣ рискуемъ быть заподозрѣнными въ умышленномъ сгущеніи красокъ.

Воспитательное значеніе шаріата.

Вышеуказанныя нами особенности внутреннего быта мадраса, несомненно, не могут не вліять на развитіе въ муллахъ нѣкоторыхъ несимпатичныхъ сторонъ; но эти стороны имѣютъ болѣе или менѣе общечеловѣческой характеръ; сами по себѣ онѣ не могутъ еще превратить учащагося здѣсь туземнаго юношу въ фанатика и изувѣра.

Посмотримъ же теперь, что превращаетъ его въ яраго мусульманина, въ глазахъ котораго все человѣчество дѣлится на мусульманъ и *кяфировъ*, а всѣ дѣянія на разрѣшенные и запрещенныя; которая самъ на каждомъ шагѣ уклоняясь отъ этого, старается убѣдить другихъ, что единственный путь спасенія, это путь, указанный шаріатомъ; что малѣйшее уклоненіе отъ этого пути есть *кюфръ*, невѣріе и вѣроотступничество, и что какъ бы ни былъ добродѣтеленъ *кяфиръ*, ему не миновать предвѣчно уготованной для него геены огненной¹⁾.

Посмотримъ, что превращаетъ этого еще не установившагося юношу, готового, при иныхъ условіяхъ, къ воспринятію «добраго, славнаго, вѣчнаго», въ лицемѣрнаго фанатика, проповѣдывающаго необходимость поста и наѣдающагося во время этого поста тайкомъ отъ самыхъ близкихъ къ нему людей, въ прямого наслѣдника тѣхъ представителей ветхозавѣтнаго уклада, которымъ Божественный Учитель сказалъ: «горе вамъ книжники и фарисеи, лицемѣри, яко затворяете царствіе небесное предъ челоѣки: вы бо не входите, ни входящихъ оставляете внити»²⁾.

Какъ ни мала воспитательная роль семьи, въ особенности же такой, гдѣ старшіе мужчины не принадлежатъ къ классу *улема*, книжниковъ, поглотившихъ мудрость шаріата и духовно-нравственной литературы, и мактаба, низшей школы, гдѣ учащійся до 14—15 лѣтъ все еще остается на положеніи полуробенка, которому многое еще прощается, а все же мальчикъ и въ семьѣ и въ мактабѣ готовится до нѣкоторой степени къ тому, чтобы сдѣлаться со временемъ истиннымъ мусульманиномъ.

По меньшей мѣрѣ его стараются увѣрить въ томъ, что по достиженіи 10—12-лѣтняго возраста онъ долженъ наравнѣ со взрослыми ежедневно совершать пятикратные намазы, не ѣсть ничего съ утра до вечера во время *рузы*, поста, *имѣть намѣреніе* когда-либо отправиться на поклоненіе въ Мекку и т. п.

Его заставляютъ оказывать внѣшніе знаки почтенія старшимъ, не вмѣшиваться въ ихъ разговоръ и не говорить въ ихъ присутствіи особенно громко.

¹⁾ Коранъ 3, 21; 3, 79; 9, 81; 14, 21.

²⁾ Отъ Матвея гл. 23, ст. 13.

Онъ знаетъ, что русскихъ всѣ зовутъ кяфирами; что это очень бранное слово; что дѣдушка энергично плюетъ каждый разъ, когда мимо ихъ воротъ проѣзжаютъ русскіе; что у русскихъ зимой бываетъ праздникъ, когда они купаютъ въ водѣ своихъ идоловъ и т. п.

Все это онъ знаетъ; но все это какъ-то слабо проникаетъ въ его душу, скользитъ по ней, оставляя лишь слабыя, поверхностныя слѣды. Да иначе и быть не можетъ. Дѣдъ и отецъ говорятъ, что надо молиться пять разъ въ день; а между тѣмъ дѣдъ самъ молится только два или три раза, а отецъ, занятый торговыми дѣлами совершаетъ намазы даже не каждый день, а лишь изрѣдка. Въ прошлую *рузу* онъ засталъ мать въ чуланѣ въ то время, когда она ѣла тамъ потихоньку ото всѣхъ лепешку и погрозила побить его, если онъ скажетъ объ этомъ отцу и дѣдушкѣ¹⁾.

Дѣдушка хвастается тѣмъ, что онъ ни разу не осквернилъ своего языка произнесеніемъ русскихъ словъ и ни разу не былъ въ русскомъ городѣ. Дѣдушкѣ хорошо это говорить: онъ старикъ и не знаетъ, какъ хорошо у русскихъ. Внукъ не согласенъ съ мнѣніемъ дѣдушки. Положимъ, если во время проѣзда русскаго мимо ихъ дома онъ стоитъ на крышѣ или вообще находится въ болѣе или менѣе обезпеченномъ положеніи, онъ, вмѣстѣ съ сосѣдскими ребятишками, не отказываетъ себѣ въ удовольствіи крикнуть: «кяфиръ! уль!»²⁾ подобно тому, какъ обзываетъ не совсѣмъ хорошими словами и захватившаго въ городъ киргиза. Все это такъ. Но, во-первыхъ, при каждой встрѣчѣ съ русскими лицомъ къ лицу ему доставляетъ большое удовольствіе хвастнуть знаніемъ нѣсколькихъ русскихъ словъ или даже фразъ; а, во-вторыхъ, у русскихъ, правду сказать, много очень заманчивыхъ вещей, не смотря на то, что они кяфиры. Взять хотя бы елку, на которую отецъ бралъ его съ собой прошлой зимой. Да одна ли елка! Подите въ русскій городъ; посмотрите какіе дома, какія лошади, чего-чего только нѣтъ въ русскихъ магазинахъ.

Когда онъ вырастетъ, и будетъ богатымъ, онъ непременно, непременно будетъ жить въ русскомъ городѣ. Положимъ, вонъ Алимъ-Хаджу зовутъ *чокунды*³⁾ за то, что живетъ между русскими; а все-таки, небось, когда онъ ѣдетъ въ фазтонѣ на резиновыхъ шинахъ, всѣ встаютъ и говорятъ *ас-салам-алейкум*! Нѣтъ, что ни говори, а въ русскомъ городѣ, хорошо, весело!

Большинство тѣхъ юношей, которые поступаютъ въ мадраса въ возрастѣ 14 до 16 лѣтъ, приходятъ сюда лишь съ очень слабыми слѣдами воздѣйствія на нихъ мусульманскаго книжничества и фарисей-

¹⁾ У туземцевъ имѣется даже заимствованный отъ персовъ терминъ, *руза-хуръ*, которымъ именуются лица, нарушающія мусульманскія постановленія о постѣ.

²⁾ Невѣрный! Издохни!

³⁾ Крещеный; выкрестъ.

ства; они еще въ значительной мѣрѣ цѣльныя, непосредственныя натуры, отзывчивыя, очень наблюдательныя и далеко не лишены природнаго веселаго юмора, всегда готовые посмѣяться и пошутить, когда весело, пожалѣть тѣхъ, кого жалко, дать сдачи тому, кто на это напрашивается.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, поступая въ мадраса, они попадаютъ прежде всего въ среду людей, которые стараются, по крайней мѣрѣ по внѣшности, думать, говорить и дѣйствовать *по уставу*, заключающемуся въ шаріатѣ и въ дополняющей его духовно-нравственной литературѣ, силиющихся установить точныя правила, согласно которымъ человѣкъ долженъ мыслить и дѣйствовать во всѣхъ, даже мельчайшихъ случаяхъ его повседневной жизни.

Поэтому-то вновь поступающіе въ мадраса муллы, въ особенности прибывающіе изъ отдаленныхъ кишлаковъ, рѣзко отличаются отъ вымуштрованныхъ, всегда низкопоклонныхъ, выработавшихъ особую легкость и плавность походки и всѣхъ вообще тѣлодвиженій староучащихся муллъ.

Новички, неестественно молчаливые и хмурые, на всѣхъ косятся, всѣхъ сторонятся, боясь сказать и ступить *не по уставу*, вслѣдъ за чѣмъ обыкновенно слѣдуютъ, если не отъ мударриса, то отъ старшихъ муллъ, рѣзкія замѣчанія и даже окрики, въ родѣ «ахмакъ! Бей-адабъ!» и проч. ¹⁾.

Приступая къ изученію мусульманской мудрости, *нау-толибъ* (новичекъ), одновременно съ этимъ становится въ необходимость изученія и условныхъ, уставныхъ приличій или, вѣрнѣе сказать, внѣшнихъ проявленій того, что разумѣется подъ словомъ *хилымъ* (حلم кротость, привѣтливость) и *хюси-и-хулмъ* (حسن خلقъ благонаравіе) и что является наслѣдіемъ не столько ученія корана, сколько ученія суфистовъ.

Въ коранѣ есть такое мѣсто: «— походка твоя пусть будетъ скромная. Говори голосомъ тихимъ, потому что самый непріятный изъ голосовъ есть голосъ осла» (гл. 31, ст. 18). Однако отцами современнаго кодекса мусульманскихъ приличій по справедливости должны считаться представители суфизма, установившіе и взгляды на *хилымъ* и на *хюси-и-хулмъ* какъ на благовоспитанность ²⁾, обязательную для каждаго *суфи* столько же, сколько *тоуба* (покаяніе), *зудъ* (благочестіе, переходящее въ аскетизмъ), *таваккулъ* (упованіе на Бога), *сабръ* (терпѣніе, доводимое до стоицизма), *риза* (искреннее довольство всѣмъ тѣмъ, что ниспосылаетъ Богъ, не исключая и несчастій) и т. п.

¹⁾ Дуракъ! Невѣжа.

²⁾ ادب عبارتست از تحسین اخلاق و تهذیب اقوال واحوال (تسم اول — انیس الطالین)

Фактическое достиженіе такого нравственнаго совершенства, конечно, можетъ быть удѣломъ лишь сравнительно немногихъ, наиболѣе сильныхъ, такъ сказать, избранныхъ натуръ. Большинство же усваиваютъ не сущность, а лишь внѣшнія проявленія, внѣшнія блески этой сущности, при чемъ ихъ *хилымъ* и *хюси-и-хулмъ* не идутъ далѣе липедѣйства.

Новичекъ, непрестанно окруженный этимъ липедѣйствомъ, попутно съ изученіемъ арабской грамматики и гораздо быстрѣе ея, усваиваетъ не только умѣнье, но и привычку опускать глаза долу, ходить искусственно, плавной походкой, говорить цвѣтисто, вкрадчиво и льстиво. Готовясь къ роли книжника, онъ, часто незамѣтно для самого себя, превращается вмѣстѣ съ тѣмъ и въ фарисея, чему, какъ увидимъ это ниже, въ значительной степени способствуетъ вполнѣдствіи изученіе шаріата, тщательно разбирающаго, между прочимъ, вопросъ о томъ, какимъ образомъ, не дѣлая прямого нарушенія закона, можно обойти этотъ послѣдній.

Обучивъ въ достаточной мѣрѣ арабскому языку, мударрисъ приступаетъ къ преподаванію главнѣйшихъ основъ шаріата, основъ мусульманскаго вѣро- и законоученія, выдвѣряя въ умъ и въ душу учащагося представленія о правовѣрїи и о невѣрїи, о разрѣшенномъ и запрещенномъ, о нравственномъ и безнравственномъ, о поощряемомъ, игнорируемомъ и наказуемомъ.

Такимъ образомъ, онъ, мударрисъ, является главнымъ руководителемъ своихъ учениковъ въ дѣлѣ ихъ воспитанія и тогда трудно бываетъ сказать, которая изъ двухъ ролей главенствуетъ:— роль учителя или роль воспитателя. Старшіе муллы, къ которымъ ихъ младшіе товарищи весьма часто обращаются за разъясненіями и совѣтами, дѣйствуя въ этомъ случаѣ вполнѣ солидарно съ мударрисомъ, являются его прямыми помощниками въ дѣлѣ воспитанія остальныхъ муллъ.

Но если мударрисъ и старшіе муллы являютъ собой главныхъ руководителей въ дѣлѣ воспитанія, то главнѣйшей основой самого послѣдняго являются шаріатъ и духовно-нравственная мусульманская литература, которые уже по одному этому заслуживаютъ ихъ тщательнаго всесторонняго изученія, и которые мы необходимо должны рассмотретьъ съ точки зрѣнія ихъ воспитательнаго значенія.

Въ основѣ мусульманскаго вѣро- и законоученія лежитъ коранъ, признаваемый мусульманами за божественное откровеніе и заключающій въ себѣ на ряду съ ученіемъ о Богѣ, ангелахъ, пророкѣ, раѣ и адѣ и постановленіями объ обязательныхъ омовеніяхъ, молитвѣ, постѣ и благотворительности, длинный рядъ другихъ постановленій, касающихся семейныхъ, брачныхъ и наслѣдственныхъ правъ, купли и продажи, займа, залога, договоровъ, суда, государственнаго управленія, войны и даже краткихъ трактатовъ по части астрономіи и космографіи.

Такое разнообразіе содержанія корана дало поводъ мусульманскимъ богословамъ утверждать, что кораномъ исчерпывается вся человѣческая мудрость, что въ немъ, при умѣнїи, можно найти прямые или косвенные отвѣты на всѣ тѣ вопросы, которые могутъ возникнуть въ человѣческомъ умѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, крайняя сжатость и еще большая безжизненность изложенія корана, неясность нѣкоторыхъ устанавливаемыхъ имъ положеній и противорѣчія однихъ положеній другимъ, породили необходимость въ систематическихъ разъясненіяхъ или комментаріяхъ, сводъ коихъ нынѣ разумѣется подъ общимъ именемъ шаріата, имѣющаго громадное сходство съ талмудомъ, который будучи по существу комментариемъ къ закону Моисея, вмѣстѣ съ послѣднимъ являетъ собою главнѣйшій источникъ заимствованій, сдѣланныхъ мусульманскимъ пророкомъ, вслѣдствіе чего мусульманство во многихъ отношеніяхъ можетъ разсматриваться, лишь какъ оригинальное видоизмѣненіе іудейства.

Пророкъ позаимствовалъ у евреевъ ученіе о единствѣ Божіемъ, объ ангелахъ, о раѣ, о чистомъ и нечистомъ, объ очищеніи, о жертвоприношеніи и искупительной жертвѣ, о запретныхъ степеняхъ родства, о животныхъ, запрещенныхъ къ употребленію въ пищу, о судѣ и правосудіи, о войнѣ съ невѣрными, о рабствѣ, о преступленіяхъ и наказаніяхъ, о возмездіи и проч.

Мусульманскіе богословы пошли въ этомъ отношеніи далѣе и заимствовали отъ евреевъ, вѣрнѣе, отъ еврейскихъ книжниковъ ихъ отношенія къ закону и особый имъ однимъ свойственный методъ его изслѣдованія, отличающійся, какъ увидимъ это нѣсколько ниже, крайними схоластичностью, мелочностью и меркантильностью.

Если современный намъ мусульманинъ желаетъ получить основанное на законѣ рѣшеніе того или другого вопроса, онъ обыкновенно обращается уже не къ корану и его дополненіямъ ¹⁾, какъ это дѣлалось въ первые вѣка ислама, а къ одной изъ тѣхъ книгъ шаріата, которыя въ его странѣ считаются наиболѣе авторитетными и популярными.

Книги шаріата, разновременно вышедшія изъ подъ пера разныхъ авторовъ, написаны почти по одной и той-же программѣ.

Въ общихъ чертахъ ихъ содержаніе сводится къ нижеслѣдующему.

I. Религіозное (каноническое) право.

- 1) Очищеніе (омовеніе).
- 2) Молитва (намазъ).

¹⁾ *Хадисы*, записанныя каноническія преданія и *Фатва*, юридическія рѣшенія первыхъ мусульманскихъ законовѣдовъ, къ числу которыхъ прежде всего относятся первые четыре халифа.

- 3) Зякатъ (обязательная милостыня, собираемая правительственными чиновниками въ пользу бѣдныхъ и на веденіе священной войны).
- 4) Постъ.
- 5) Паломничество въ Мекку.

II. Юридическія дѣйствія.

- 1) Общія положенія.
- 2) Обязательство.
- 3) Договоръ съ цѣлью полученія эквивалента (торговля, наймъ, заемъ).
- 4) Залогъ.
- 5) Довѣренность, поручительство, товарищество.
- 6) Вещное право (общія положенія).
- 7) Владѣніе и собственность.
- 8) Земельное владѣніе и орошеніе земли.
- 9) Права и обязанности собственниковъ сосѣднихъ земель.
- 10) Вакуфъ (имущества, пожертвованныя на богоугодныя цѣли).
- 11) Наслѣдственное право.

III. Личное и семейное право.

- 1) Бракъ.
- 2) Разводъ.
- 3) Молочное родство.
- 4) Послѣдствія брака относительно дѣтей.
- 5) Опека.
- 6) Рабство.
- 7) Лица, находящіяся на особомъ положеніи (найденныя, гермофродиты, безвѣстно отсутствующіе и др.).

IV. Уголовное право.

- 1) Общія положенія.
- 2) Кровавая месть.
- 3) Прелюбодѣяніе.
- 4) Употребленіе вина.
- 5) Кража.
- 6) Разбой.
- 7) Вѣроотступничество.
- 8) Мятежъ.

V. Государственное право.

- 1) Верховная власть.
- 2) Отправленіе правосудія.

- 3) Священная война.
- 4) Война для сохранения внутреннего порядка.
- 5) Чиновники и управление государством.

Нѣсколько выше мы замѣтили, что мусульманскіе богословы заимствовали отъ еврейскихъ книжниковъ ихъ отношенія къ закону ¹⁾ и ихъ методъ его изслѣдованія, отличающійся схоластичностью, мелочностью и меркантильностью. Приведемъ рядъ примѣровъ изъ разныхъ частей шаріата, предоставивъ читателю самому судить о томъ, поскольку мы были правы, высказавъ вышеизложенную мысль ²⁾.

Въ коранѣ (гл. 5, ст. 8—9) сказано: «Вѣрующіе! когда вы хотите совершить молитву, то умывайте свои лица и свои руки до локтей, и отирайте ваши головы и ваши ноги до щиколотокъ. Если бываете осквернены истеченіемъ во время сна, то очищайтесь; . . .»

Въ виду этого постановленія, шаріатъ обязываетъ каждого мусульманина совершать *талоратъ* (омовеніе): передъ совершеніемъ намаза, при странствованіи, передъ тѣмъ, чтобы дотронуться до корана, послѣ совокупленія, по учиненіи естественныхъ надобностей, женщинамъ послѣ мѣсячнаго очищенія и родовъ; послѣ изверженія сѣмени, послѣ прикосновенія къ мертвымъ тѣламъ, и вообще послѣ прикосновенія ко всѣмъ тѣмъ предметамъ, которые считаются нечистыми или оскверненными ихъ соприкосновеніемъ съ нечистотой.

Для омовенія можно употреблять воду семи родовъ, а именно: дождевую, морскую, рѣчную, колодезную, родниковую, отъ снѣга и отъ града. Но эта вода дѣлается запрещенной для омовеній, если она присвоена незаконнымъ образомъ, согрѣта на солнцѣ или, вслѣдствіе той или другой внѣшней причины, сама сдѣлалась нечистой. Нечистой же она становится отъ соприкосновенія съ нечистыми предметами ³⁾ въ томъ случаѣ, если ея кубическое измѣшеніе (объемъ) менѣе объема куба, ребро котораго равно одному локтю съ четвертью.

Въ зависимости отъ той цѣли (или причины), съ которой производится омовеніе, оно можетъ быть полнымъ (*цусль*) или неполнымъ (*вузу*).

Вузу въ общихъ чертахъ должно совершаться такимъ образомъ: прежде всего мусульманинъ долженъ произнести про себя намѣреніе

¹⁾ Т. е. къ Закону Моисееву, лежащему въ основаніи іудейскаго вѣро- и законоученія такъ же, какъ коранъ лежитъ въ основаніи ислама.

²⁾ Лицамъ, незнакомымъ съ талмудомъ, рекомендуемъ прекрасные труды Н. Переферковича: «Талмудъ. Мишна и Тосефта. Критическій переводъ. 1899» и «Что такое Шулханъ-Арухъ? 1899».

³⁾ Свиньи и собаки. Все опьяняющее. Все умершее естественной смертью. Трупы и молоко животныхъ, запрещенныхъ для употребленія въ пищу. Калъ, моча и иныя истеченія. Все, что находилось въ соприкосновеніи съ упомянутыми предметами.

(*нйять*) совершить установленное религіей омовеніе. Затѣмъ, произнося «во имя Бога, Милостиваго, Милосердаго», онъ троекратно моетъ сначала правую, а потомъ лѣвую руку. Вымывъ руки, онъ вплескиваетъ правой рукой небольшое количество воды въ ротъ и полощетъ его три раза. Такъ же онъ полощетъ носъ, вбирая воду ноздрями. Затѣмъ онъ троекратно моетъ лицо и руки, сперва правую, а затѣмъ лѣвую до локтей. Потомъ смачиваетъ голову, расчесываетъ бороду пальцами, чиститъ уши и смачиваетъ шею рукой, послѣ чего троекратно моетъ ноги до щиколотокъ, сперва правую, а затѣмъ лѣвую.

Весь обрядъ омовенія долженъ быть произведенъ въ указанномъ порядкѣ, безъ нарушенія и прерванія онаго. Въ противномъ случаѣ совершеніе обряда считается *недѣйствительнымъ*.

Съ такой же подробностью шаріатъ регламентируетъ ритуалъ и другихъ религіозныхъ обрядовъ, не исключая даже и уставной пятикратной молитвы, такъ называемаго *намаза*. Несоблюденіе правилъ, установленныхъ шаріатомъ относительно времени и мѣста совершенія намаза, одежды, въ которой онъ совершается, порядка произнесенія молитвословій, совершенія поясныхъ и земныхъ поклоновъ и т. п., съ мусульманской точки зрѣнія дѣлаютъ такую молитву тоже недѣйствительной.

Уже изъ одного этого читатель можетъ заключить, какое громадное значеніе придаетъ исламъ обрядности, формѣ. Непрестанныя старанія и заботы о соблюденіи этой внѣшней формы, и зачастую только одной этой формы, давно уже породили у мусульманъ привычку игнорировать сущность самого дѣла.

Намазъ, уставная молитва мусульманина, не есть актъ не только общенія, но даже и стремленія его души къ Божеству, ибо, совершая намазъ, онъ, по необходимости, долженъ прежде всего думать и заботиться о точномъ исполненіи, въ установленномъ порядкѣ, всѣхъ тѣхъ мелочей, соблюденіе которыхъ совершенно необходимо для того, чтобы его намазъ не оказался недѣйствительнымъ, ибо въ этомъ послѣднемъ случаѣ не только пропадаютъ даромъ понесенные имъ труды, но онъ, какъ несовершившій намаза *де юге*, теоретически ¹⁾ становится еще кромѣ того въ положеніе грѣшника, ибо совершеніе намаза есть *фарзъ-и-аинъ*, дѣяніе абсолютно обязательное для каждого взрослого и здороваго мусульманина.

Вотъ причина, по которой суфисты, даже совсѣмъ омусульманившіеся суфисты позднѣйшаго времени, не рѣшающіеся, подобно ихъ древнимъ предшественникамъ, отрицать каноническаго ритуала, уста-

¹⁾ Мы говоримъ *теоретически* потому, что въ настоящее время на практикѣ масса туземцевъ совсѣмъ не исполняетъ постановленій религіи о молитвѣ.

новленного шариатомъ, видя въ молитвѣ средство общенія человѣческой души съ Богомъ, не только никогда не могутъ ограничиться и удовлетвориться одними лишь уставными намазами, но полагаютъ, что въ этомъ отношеніи *зикръ* (радѣніе) стоитъ выше намаза, не производящаго на душу ортодоксальнаго мусульманина того восхищающаго и потрясающаго впечатлѣнія, котораго вѣрующій суфистъ ищетъ въ *зикрѣ*.

Насколько шариатъ мелочно требователенъ въ отношеніи внѣшней формы, настолько же онъ и меркантиленъ. Съ этой чертой ислама мы необходимо встрѣтимся еще разъ ниже, тамъ, гдѣ будемъ говорить о мусульманской духовно-нравственной литературѣ. Теперь же, не останавливаясь долго на, такъ называемомъ, *кяфаратѣ* (كفارت), искупительной милостынѣ, плѣною которой мусульманинъ можетъ откупиться отъ такихъ грѣховъ, какъ несоблюденіе разнаго рода каноническихъ постановленій религіи, несоблюденіе правилъ относительно общенія съ женами, принесеніе ложной присяги и т. п., остановимся на удачу на любой изъ частей шариатнаго ученія, хотя бы, напримѣръ, на ученіи о *махрѣ* (مهر), свадебномъ подаркѣ, дѣлаемомъ женихомъ невестѣ, при заключеніи между ними брака.

Спрашивая у дѣвушки о ея согласіи на бракъ, ей обязательно должны сообщить имя жениха, а количество условленнаго *махра* можетъ быть и не сообщено¹⁾.

Махръ не можетъ быть по стоимости менѣе 10 дирѣмовъ (7 золотниковъ серебра). Большой *махръ* можетъ быть условленъ по соглашенію.

Если вслѣдъ за совершеніемъ брака одинъ изъ супруговъ умретъ, *махръ* все-таки долженъ быть уплаченъ или мужемъ наслѣдникамъ жены, или женѣ наслѣдниками мужа.

Если послѣ заключенія брака совершится *хильват-и-сахиха* (صحیحه خلوت), *махръ* можетъ быть истребованъ женою немедленно же. Подъ именемъ *хильват-и-сахиха* разумѣется совмѣстное пребываніе супруговъ въ такой обстановкѣ, при которой нѣтъ никакихъ препятствій для совершенія ими полового акта. Подъ препятствіями же въ данномъ случаѣ разумѣется все то, что можетъ мѣшать совершенію упомянутого акта со стороны *физическаго состоянія* (болѣзнь, несовершеннолѣтіе, сумасшествіе, сонъ, нахожденіе въ пути или въ мечети), со стороны *шариата* (время поста, молитвы и *ихрама*, когда религія воспрещаетъ приближаться къ женамъ) и со стороны *внѣшнихъ впечатлѣній* (менструаціи, присутствіе въ той же комнатѣ какого-либо живого существа и т. п.).

Если послѣ заключенія брака *хильват-и-сахиха* не было, то жена можетъ требовать (при разводѣ, напр.) лишь половину условленнаго *махра*.

¹⁾ Источники: هداية الشریف — جامع الرموز — بحر المنافع — المختار و بحر المنافع

Если же размѣръ *махра* при заключеніи брака не былъ обусловленъ, и затѣмъ послѣдовалъ разводъ до совершенія *хильват-и-сахиха*, то жена имѣетъ право лишь на *мута* (متعه), подъ именемъ котораго разумѣется даръ, въ видѣ платка, рубахи или покрывала, стоимостью не менѣе 5 дирѣмовъ.

Если при заключеніи брака размѣръ *махра* не былъ опредѣленъ, а *хильват-и-сахиха* состоялся, жена имѣетъ право на *махр-и-мисль* (مهر مثل), т. е. такой *махръ*, какой въ мѣстѣ ея жительства получаютъ женщины, равныя ей по общественному положенію.

Если при опредѣленіи *махра* предлагаемый предметъ былъ названъ родовымъ или видовымъ названіемъ (напр., «верблюдъ», «лошадь» и т. п.), то предполагается предметъ среднихъ качествъ или средней стоимости, или же стоимость предмета среднихъ качествъ.

Приведемъ еще нѣсколько характерныхъ статей того же брачнаго права.

Пища, одежда и помѣщеніе должны даваться женамъ одинаково, не взирая на то, будутъ ли онѣ мусульманки или «имѣющія Писаніе», т. е. христіанки или еврейки, совершеннолѣтнія или несовершеннолѣтнія; но, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, онѣ должны быть способными къ *фактическому сожитію*.

Мужъ можетъ лишить свою жену содержанія въ случаѣ ея непослушанія (какъ напр., въ случаѣ ея самовольныхъ отлучекъ изъ дому, или въ случаѣ безпричиннаго отказа ему, мужу, въ фактическомъ сожитіи).

Если оба супруга одновременно отправляются въ путь (каждый по своимъ личнымъ дѣламъ), и имъ случайно придется ѣхать вмѣстѣ, то мужъ долженъ во все время путешествія давать женѣ такое же содержаніе, какое она получала на мѣстѣ; но онъ не обязанъ нанимать для нея лошадь или арбу.

Мужъ имѣетъ право запретить родителямъ, дѣтямъ отъ другого мужа и родственникамъ своей жены входить въ ея комнату, ибо помѣщеніе, данное женѣ, остается *собственностью* мужа. Но онъ не имѣетъ этого права въ томъ случаѣ, если помѣщеніе жены не представляетъ собой его собственности.

Отмѣтивъ такія особенности шариата, какъ крайнія мелочность и меркантильность его общаго направленія, нельзя обойти молчаніемъ и нѣкоторыхъ другихъ его сторонъ, имѣющихъ не меньшее воспитательное значеніе по отношенію къ тѣмъ, кто, посвятивъ много лучшихъ лѣтъ своей жизни изученію этого кодекса, готовится къ роли проводника шариатнаго ученія въ сферу народной жизни.

Богословы и законовѣды первыхъ вѣковъ ислама, разрабатывая вопросы богословія и гражданскаго права на почвѣ постановленій ко-

рана, изъ которыхъ многія отличаются крайними неясностью и неопредѣленностью, весьма часто расходились даже въ основныхъ принципиальныхъ взглядахъ, что породило массу противорѣчій въ шаріатѣ. Такъ напр., одни изъ законовѣдовъ признають пьянымъ того, кто, подъ влияніемъ вина, говоритъ и дѣйствуетъ несвойственнымъ ему образомъ; другіе же соглашаются признать человека пьянымъ тогда только, когда человекъ оказывается не въ состояніи отличать небо отъ земли ¹⁾).

Одни законовѣды совсѣмъ не признають за мужемъ права увозить жену изъ мѣста ея постоянного жительства; другіе полагають, что онъ можетъ требовать ея сопутствія на протяженіи не болѣе трехдневнаго пути.

Обиліе такихъ разногласій даетъ возможность трактовать разнаго рода вопросы и юридическіе случаи различно, въ зависимости отъ тѣхъ или другихъ частныхъ обстоятельствъ, что при общеизвѣстной подкупности казиевъ является одной изъ главныхъ причинъ неправосудія, царящаго въ мусульманскихъ судахъ и возможности обхода разнаго рода шаріатныхъ постановленій, касающихся не только гражданскаго, но и каноническаго (или религіознаго) права.

Этому послѣднему не мало способствуетъ также и нижеслѣдующее обстоятельство.

Выше мы уже упомянули о томъ, какимъ мелочнымъ формализмомъ отличаются многіе регламенты шаріата. Соблюденіе и точное выполненіе всѣхъ этихъ мелочныхъ формальностей въ большинствѣ случаевъ представляется крайне тягостнымъ въ обиходѣ средняго человека, а потому мусульманинъ, не рискуя совершенно игнорировать требованія шаріата, давно уже началъ изобрѣтать такъ-называемыя *хилы* ²⁾ (حيلة), уловки, при посредствѣ которыхъ, пользуясь нѣкоторыми особенностями шаріата, въ случаяхъ надобности можно, на совершенно законномъ основаніи, обходить постановленія этого кодекса.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Согласно шаріатнымъ постановленіямъ о разводѣ, этотъ послѣдній можетъ быть окончательнымъ, что достигается троекратнымъ заявленіемъ мужа о томъ, что онъ развелся со своей женой, и неокончательнымъ, послѣ котораго бракъ восстанавливается безъ соблюденія особыхъ обрядностей, при чемъ даже и случайно вырвавшееся у мужа заявленіе о разводѣ не можетъ быть отмѣнено ни имъ самимъ, ни судомъ.

Теперь представимъ себѣ такой случай.

¹⁾ Употребленіе опьяняющихъ напитковъ запрещено кораномъ. Пьянство же по шаріату, наказуется плетью.

²⁾ حيلة *хила*—хитрость; уловка; обходъ закона.

Мужъ, какъ это нерѣдко случается, желая удержать жену отъ посѣщеній какой-либо пріятельницы или родственницы, объявляетъ ей, что если она пойдетъ туда, то онъ разведется съ ней окончательнымъ разводомъ (اوج طلاق).

Черезъ нѣсколько времени обстоятельства измѣняются; личные интересы мужа требуютъ, чтобы его жена отправилась по весьма важному дѣлу туда, ходить куда ей запрещено подъ страхомъ окончательнаго развода. Идти необходимо. Отмѣнить свое рѣшеніе мужъ не можетъ по шаріату. Разводиться съ женой безъ права восстановленія брака, онъ не желаетъ. Какъ тутъ быть?

На выручку является такъ-называемая *хила-и-машлуга*, знаменитая, общеизвѣстная *хила*.

Мужъ даетъ женѣ неокончательный разводъ (بر طلاق); жена отправляется въ запретный домъ уже въ качествѣ не жены, а разведенной; по возвращеніи ея оттуда бракъ, какъ было замѣчено выше, восстанавливается безъ соблюденія особыхъ формальностей.

Еще примѣръ.

По шаріату владѣтельница раба не можетъ быть его женой.

Я имѣю женатаго раба и хочу жениться на этой женщинѣ. Для этого я дарю упомянутого раба его женѣ. Послѣдняя не можетъ быть женой лично принадлежащаго ей раба, вслѣдствіе чего бракъ расторгается на основаніи подлежащихъ статей шаріата, а я получаю возможность жениться уже на разведенной рабынѣ.

Эти отношенія къ шаріату, какъ къ кодексу, многія требованія котораго на практикѣ являются крайне неудобно выполнимыми, вслѣдствіе чего значительное число лицъ всегда изыскиваетъ способъ обойти законъ при его же посредствѣ, установились, несомнѣнно, очень давно, ибо во многихъ мусульманскихъ государствахъ давно уже возникли должности, такъ называемыхъ, *кази-раисовъ*, на которыхъ возлагался надзоръ за исполненіемъ частными лицами требованій каноническаго, торговаго и иныхъ уставовъ, шаріата ¹⁾, при чемъ лица, уличавшіяся въ неисполненіи этихъ уставовъ, немедленно же и публично подвергались тѣлесному наказанію черезъ слугъ *раисовъ*, сопровождавшихъ послѣднихъ, во время ихъ объѣздовъ городовъ и селеній, и вооруженныхъ такъ называемыми *дарра*, толстыми ременными нагайками ²⁾.

Такимъ образомъ, при ханскомъ правительствѣ въ Средней Азій однимъ изъ краеугольныхъ камней поддержанія въ народѣ наружнаго благочестія являлись и являются *кази-раисы*. Въ роли другого

¹⁾ Непосѣщеніе мечетей, несоблюденіе постовъ, обмѣриваніе и обвѣшиваніе и т. п.

²⁾ Въ Туркестанскомъ краѣ *раисы* упразднены по мѣрѣ постепеннаго занятія нами отдѣльныхъ городовъ и областей. Въ Бухарѣ они существуютъ и понынѣ.

такого же камня понинѣ повсемѣстно являются, такъ-называемые, *уляма*, ученые, книжники, о дѣятельности которыхъ мы упомянемъ нѣсколько ниже.

Вернемся къ дальнѣйшему обзору воспитательнаго значенія того, что изучаютъ и съ чѣмъ сталкиваются муллы въ мадрасахъ.

Выше, говоря о способахъ выполненія учебной программы въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ, мы упомянули, между прочимъ, о томъ, что давно установившійся обычай допускаетъ на лекціяхъ дебаты муллъ не только между собою, но даже и съ преподавателями, *мударрисами*, что является весьма естественнымъ, вслѣдствіе уже отмѣченнаго нами обилия противорѣчій и недомолвокъ въ самомъ шаріатѣ, дающихъ возможность трактовать одинъ и тотъ же вопросъ самымъ различнымъ образомъ.

Широкая практика этого рода съ теченіемъ времени вырабатываетъ въ муллахъ большое пристрастіе къ спорамъ вообще, большое умѣнье говорить, умѣнье быть находчивымъ въ спорахъ и, къ сожалѣнію, большое умѣнье, если можно такъ выразиться, подтасовывать факты и освѣщать ихъ такъ, какъ это требуется для даннаго случая.

Попутно съ этимъ, изученіе шаріата дѣлаетъ муллъ крайне нетерпимыми ко всему немусульманскому, ибо признавъ Евангеліе божественнымъ откровеніемъ¹⁾, признавъ тотъ фактъ, что въ сердца послѣдователей Христа Богъ вложилъ состраданіе и добродушіе²⁾; разрѣшивъ мусульманамъ жениться на дочеряхъ «имѣющихъ Писаніе», т. е., на дочеряхъ христіанъ и евреевъ, мусульманскій пророкъ, считая современное Евангеліе искаженнымъ, главнымъ образомъ въ отношеніи ученія о св. Троицѣ³⁾, причислилъ христіанъ и евреевъ къ невѣрнымъ⁴⁾, которые ни въ какомъ случаѣ не могутъ рассчитывать на спасеніе⁵⁾ и не должны быть друзьями магометанъ⁶⁾, и которыхъ слѣдуетъ истреблять при первой возможности⁷⁾. Слово *кяфиръ* (не-

¹⁾ «— Мы (Богъ) дали ему (Христу) Евангеліе; въ немъ правота и свѣтъ, подтвердившіе то, что прежде него было въ Законѣ;...», Коранъ 5, 50.

²⁾ «— въ сердца послѣдователей его (Христа) Мы (Богъ) вложили добродушіе и состраданіе;...», Коранъ, 57, 27.

³⁾ «— не допускайте излишества въ вашу вѣру! говорите о Богѣ только истину. Мессія Иисусъ, сынъ Маріи, есть только посланникъ Бога, есть слово Его, низведенное имъ въ Марію, есть духъ Его. Вѣруйте въ Бога и въ посланниковъ Его, и не говорите: троица... не можетъ быть, чтобы у Него были дѣти;...». Коранъ, 4, 169.

⁴⁾ Коранъ, 2, 99 и 3, 93.

⁵⁾ Коранъ, 3, 21; 14, 21; 3, 8; 9, 81. «Невѣрныхъ толпами погонять къ геенѣ, и когда они подойдутъ къ ней, отверзутся врата ея». Коранъ, 39, 71.

⁶⁾ Коранъ, 3, 27; 9, 23; 60, 1.

⁷⁾ «Когда встрѣтитесь съ невѣрными, то сѣкайте съ нихъ головы до толѣ, покуда не сдѣлаете совершеннаго имъ пораженія...». Коранъ, 47, 4.

«— убивайте многобожниковъ, гдѣ ни найдете ихъ;...». Коранъ, 9, 5.

вѣрный, немусульманинъ) въ обиходѣ мусульманской жизни, по крайней мѣрѣ въ обиходѣ мусульманъ Средней Азіи, является собою, между прочимъ, одно изъ самыхъ позорныхъ ругательствъ, при чемъ назвавшій *кяфиромъ* мусульманина, въ особенности же ученаго, *уляма*, по шаріату подвергается тяжкому наказанію.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Бухарѣ, по постановленію казіевъ, былъ казненъ черезъ побіеніе камнями туземецъ, уличенный въ оскорбленіи (словомъ) мусульманской религіи. По свидѣтельству одного русскаго, бывшаго случайнымъ зрителемъ этой ужасной казни, въ самомъ началѣ ея большинство присутствовавшего простонародья въ ужасѣ бѣжали въ разныя стороны; въ роли же самыхъ лютыхъ палачей оказались мударрисы и муллы мѣстныхъ мадраса.

Въ переводѣ на русскій языкъ арабское слово *шаріатъ* значитъ *путь*, т. е., прямой, вѣрнѣйшій (и вмѣстѣ съ тѣмъ единственный) путь къ спасенію. Малѣйшее уклоненіе отъ этого пути, малѣйшее отступленіе отъ этихъ правилъ, установленныхъ шаріатомъ, ставитъ человѣка въ положеніе *аси* (عاصي) грѣшника, *мятежника*, неповинующагося велѣніямъ Божиимъ, въ теченіе 13 вѣковъ вкось и вкривь толкуемыхъ отцами мусульманской религіозной общины.

Вмѣстѣ съ тѣмъ мы видѣли уже, какъ педантичны и мелочны многія требованія шаріата, и какъ трудно, какъ непосильно для средняго человѣка точное выполненіе всѣхъ этихъ мелочей, въ буквальномъ смыслѣ слова безчисленныхъ, ибо шаріатъ силится регламентировать по возможности всю и государственную и общественную, и частную жизнь адептовъ этого ученія.

Такимъ образомъ мусульманинъ, подобно еврею-талмудисту, вѣчно живетъ между молотомъ и наковальней, между физической невозможностью не только выполнить, но даже и знать всѣ мелочныя требованія шаріата съ одной стороны и страхомъ земной (*кази-раисъ*) и небесной кары за неисполненіе этихъ требованій съ другой.

Но такъ какъ нѣтъ другого положенія, изъ котораго не было бы выхода, то и мусульманинъ нашелъ возможность приспособиться къ упомянутой тяжкой для него особенности шаріата: не будучи въ состояніи выполнить всѣхъ требованій послѣдняго, онъ махнулъ рукой на нѣкоторыя изъ нихъ и сталъ лишь прикидываться ревностнымъ ихъ исполнителемъ, сталъ лицемѣрить и фарисействовать; не будучи же въ состояніи, за другими дѣлами, въ подробностяхъ знать всѣ мелочныя требованія мусульманскаго кодекса, онъ давнымъ-давно уже рѣшилъ, что за нѣкоторое вознагражденіе *уляма*, книжники, согласятся знать все то, что необходимо знать истому мусульманину, желающему по мѣрѣ силъ и возможности регулировать свою жизнь регламентами шаріата.

И онъ не ошибся въ своихъ расчетахъ.

Обмѣривая и обмѣшивая на базарѣ лишь простаковъ, недогадывающихся о томъ, что на всякій случай у него имѣются и правильныя и неправильныя гири, облегчая себѣ разными, недопускаемыми шаріатомъ способами, муки поста тайкомъ отъ жены и дѣтей, онъ благополучно уклоняется отъ плетей *кази-раиса*. Вмѣстѣ съ тѣмъ книжники, въ качествѣ юрисконсультовъ, за весьма умѣренное вознагражденіе, оказываютъ ему весьма цѣнныя услуги; они научаютъ его наиболѣе дешевыми способами очищать посуду, оскверненную случайно попавшей туда мышью или лягушкой и откупаться отъ разныхъ содѣянныхъ имъ прегрѣшеній, обходить, при помощи вышеупомянутыхъ *хилля*, постановленія шаріата и т. п.

Такимъ образомъ толпа постепенно привыкла къ мысли о томъ, что существованіе клики книжниковъ, руководящихъ ею и спасающихъ ее отъ геены огненной, совершенно необходимо, и что справедливость требуетъ отъ каждаго изъ этой толпы не скупиться на прокормленіе этой клики, ибо, во-первыхъ, безъ нея пропадешь, а, во-вторыхъ, это божіи люди, способствующие спасенію ея, толпы, душъ и столь обремененные дѣлами этого рода, что о добываніи хлѣба насущнаго иными способами они не имѣютъ времени и думать. Въ свою очередь книжники и фарисеи, будучи лицемѣрными паче всѣхъ остальныхъ, и издавна получивъ вкусъ къ книжнической дѣятельности, постепенно привыкли, во-первыхъ, относиться къ наукѣ, какъ къ *сабаб-и-аукаат* (سبب اوقات), какъ къ способу добывать жизненные средства, а, во-вторыхъ, непрестанно держать толпу въ увѣренности, что безъ нихъ, книжниковъ, она пропадетъ и что даваніе имъ, книжникамъ, средствъ къ жизни являетъ собою насколько богоугодное дѣло, настолько же и одну изъ главнѣйшихъ религіозно-нравственныхъ обязанностей этой толпы.

Это послѣднее направленіе съ чрезвычайной яркостью, сказалось въ такъ-называемыхъ *рисалахъ*¹⁾, книжечкахъ, авторы которыхъ стараются доказать божественное происхожденіе разнаго рода ремеселъ и промысловъ, при чемъ самымъ настойчивымъ образомъ требуютъ отъ земледѣльцевъ, штукатуровъ, плотниковъ и иного рабочаго люда подачекъ *улямъ*, грозя послушникамъ карами небесными.

Для примѣра возьмемъ земледѣльческую *рисаму*.

Въ ней, кромѣ изложенія земледѣльческаго завѣта, т. е., тѣхъ нравственныхъ обязанностей (въ родѣ правдивости, щедрости и пр.), которыя лежатъ на земледѣльцѣ, говорится еще и о томъ, что земледѣліе имѣетъ за собой божественное происхожденіе; что первый плугъ

¹⁾ رساله, *рисала* — трактатъ; посланіе.

былъ сдѣланъ Архангеломъ Гавріиломъ изъ райскаго дерева *туби*; что изъ рая же имъ были выведены первые возы, и былъ вынесенъ первый хлыстъ; говорится тамъ, что Гавріиль самъ провелъ нѣсколько первыхъ бороздъ и потомъ передалъ плугъ въ руки перваго пророка Адама; что земледѣліе — лучшее изъ занятій человѣческихъ, такъ какъ предаваясь ему, человѣкъ можетъ легче сохранить свою нравственность; что оно велико уже по одному тому, что плодами рукъ земледѣльца питаются равно и бѣдные и богатые, и слабые и сильные, и малые и великіе. Въ заключеніе составители этой *рисамы* (подобно составителямъ рисалей плотниковъ, кузнецовъ, штукатуровъ и др.), стараются увѣрить земледѣльца въ томъ, что если онъ будетъ отдавать нѣкоторую часть урожая (такъ-называемая *хакк-улла*) въ пользу *уляма*, то въ будущей жизни получить за это такую же награду, какую получатъ убитые на войнѣ съ невѣрными, построившіе 1000 мадраса или 1000 мечетей или давшіе одежду 1000 немущимъ людямъ, и что каждый, кто усумнится въ вышесказанномъ, да будетъ признанъ вѣроотступникомъ, а жена его да будетъ разведена съ нимъ¹⁾.

Воспитательное значеніе мусульманской духовно-нравственной литературы.

Выше мы имѣли случай упомянуть о томъ, что обучающіеся въ мадрасахъ *муллы*, при желаніи съ ихъ стороны, кромѣ прохожденія уставной, такъ сказать, учебной программы, знакомятся здѣсь, между прочимъ, также и съ восточной литературой, главнымъ образомъ персидской, однимъ изъ важнѣйшихъ отдѣловъ которой, по крайней мѣрѣ въ воспитательномъ отношеніи, является тотъ, который мы позволяемъ себѣ назвать литературой духовно-нравственной, зиждящейся, какъ и все чисто-мусульманское, на основныхъ устояхъ ислама, представляющей собою обширный комментарий къ шаріату, который самъ по себѣ есть комментарий къ корану, и играющей въ жизни средне-азиатскихъ мусульманъ приблизительно такую же роль, какую книги *шулханъ-арухъ* играютъ въ жизни евреевъ-талмудистовъ.

То, что мы позволили себѣ назвать духовно-нравственной литературой, для большого удобства ея разсмотрѣнія и изученія, можетъ быть подраздѣлено на четыре категоріи.

Къ первой категоріи мы склонны отнести тѣ (по большей части относительно новѣйшія) произведенія, въ прозѣ и стихахъ (книги,

¹⁾ هر کیم مونکا شک کینتور سه اوزی کافر و خاتونی طلاق بولغای
По шаріату вѣроотступничество одного изъ супруговъ-мусульманъ влечетъ за собою расторгненіе брака.

главы книгъ, трактаты, монографіи), которые представляют собою популярныя и подробныя изложенія отдѣльных частей или даже отдѣльных статей шаріата, нерѣдко предлагаемыхъ въ болѣе или менѣе образныхъ формахъ¹⁾.

Къ числу этихъ произведеній относятся *مسلك المتقين* и *ثبات العاجزين* Суфи-Алла-Яра нѣкоторыя главы книги *المسائل والعقاید—کیمیاء سعادت* и т. п. Въ послѣдней изъ названныхъ книгъ въ общедоступной формѣ и съ большими подробностями излагаются шаріатныя ученія: объ обязательномъ, одобряемомъ, неодобряемомъ и запрещенномъ; о смертныхъ грѣхахъ; объ омовеніи; о намазѣ; о смертномъ часѣ; объ омовеніи покойника; о законѣ; о постѣ; о *хаджѣ* (поклоненіе меккскому храму); о словахъ и выраженіяхъ, произнесеніе которыхъ дѣлаетъ мусульманина вѣроотступникомъ; о разводѣ и пр.

Произведенія этой категоріи (на персидскомъ и тюркскомъ языкахъ, въ стихахъ и прозѣ, благодаря общедоступности изложенія, являютъ собою прекрасное орудіе для ознакомленія темныхъ народныхъ массъ съ тѣми шаріатными мудростями и мудрствованіями, почерпаніе которыхъ непосредственно изъ книгъ шаріата для большинства представляется невозможнымъ, вслѣдствіе незнакомства съ арабскимъ языкомъ, на которомъ написаны книги шаріата, предусмотрительно не переводимыя книжниками съ священнаго арабскаго языка, на другіе, несвященные.

Ко второй категоріи отнесемъ книги, части книгъ, трактаты, монографіи и безчисленныя отдѣльныя стихотворенія, авторы которыхъ стараются установить принципиальныя взгляды на общіе и частныя вопросы, такъ сказать, отвлеченной нравственности, весьма часто аргументируя излагаемая ими положенія текстами корана и книгъ *хадисъ* и иллюстрируя ихъ житейскими примѣрами, сравненіями, уподобленіями и т. п.

Какъ на представителя произведеній этой категоріи, укажемъ прежде всего на общеизвѣстную въ Средней Азии книгу «*Ахмяк-и-мухсининъ*», въ которой трактуется: о молитвѣ; о добросовѣстномъ исполненіи человѣкомъ лежащихъ на немъ обязанностей; о молитвѣ за другихъ людей; о благодарности Богу за все то, что онъ ниспосылаетъ человеку; о терпѣніи; о покорности волѣ Божіей; объ упованіи на Бога; о цѣломудріи; о борьбѣ со страстями; о кротости и смиреніи; о правдивости и правосудіи; о прошеніи; о состраданіи; о щедрости; объ исполненіи даннаго обѣщанія; о необходимости заботиться о слугахъ и т. п.

Въ нѣкоторыхъ главахъ вышеупомянутой книги *кимія-и-саадатъ* (*کیمیاء سعادت*) говорится: о познаніи самого себя; объ изслѣдованіи

¹⁾ Какъ, напр., описаніе *сырата* у Суфи-Алла-Яра, всего *ثبات العاجزين*

свойствъ человѣческой души; о гнѣвѣ и другихъ страстяхъ человѣческихъ; о необходимости сдерживать свои страсти и пр.

Громадное число крупныхъ и мелкихъ стихотвореній многочисленныхъ персидскихъ поэтовъ также посвящены разбору и изслѣдованію частныхъ вопросовъ нравственности, нерѣдко изложенныхъ въ видѣ поученій или наставленій.

ترا گر صبوری بود دستیار
بدست آوری دولت پییدار
صبوری بود کار پیغمبران
نه پیچند زو روی دین پروران
صبوری کشاید در کام جان
که جز صابری نیست مفتاح آن
.....
صبوری بهتر حال اولی بود
که در ضمن او چند معنی بود
صبوری ترا کامکاری دهد
زرنج و بلار ستکاری دهد

«Если терпѣніе сдѣлается твоимъ помощникомъ,
«Ты пріобрѣтешь устойчивое благосостояніе.
«Терпѣніемъ отличались пророки;
«О немъ не забывали люди благочестивые.
«Терпѣніе отворяетъ двери твоихъ желаній;
«Отъ этихъ дверей нѣтъ другого ключа, кромѣ терпѣнія.
.....
«Во всѣхъ случаяхъ (жизни) терпѣніе есть наилучшее;
«Есть много ручательствъ за это.
«Терпѣніе даетъ тебѣ исполненіе твоихъ желаній;
«Оно спасаетъ тебя въ болѣзняхъ и несчастіяхъ».

چار چیز در جهان خوش کردن
یاد گر ای جوان اگر مردی
خلق نیکو و را ستی گفتن
عیب پو شنیدن و جوا نمردی

«Юноша! Въ мірѣ я особенно полюбилъ четыре вещи; запомни ихъ, если ты мужчина; это — благонавіе, правдивость, умѣнье прощать и великодушіе».

Къ третьей категоріи произведеній духовно-нравственной литературы отнесемъ всѣ тѣ книги, трактаты и отдѣльныя стихотворенія, которые заключаютъ въ себѣ не отвлеченное, а практическое житейское ученіе о нравственности, а равно и кодексы мусульманскихъ приличій.

Изъ числа послѣднихъ укажемъ на книгу «*Адаб-ус-салихинъ*», имѣющуюся на русскомъ языкѣ, въ переводѣ Н. С. Лыкошина. Въ ней съ большими подробностями говорится о томъ, какъ мусульманинъ долженъ держать себя, какія правила вѣжливости онъ долженъ соблюдать и какія молитвы слѣдуетъ читать въ разныхъ случаяхъ повседневной жизни: входя въ чужой домъ, привѣтствуя лицъ разныхъ общественныхъ положеній, ложась спать, избирая себѣ ту или другую одежду, отправляясь и находясь въ путешествіи, находясь въ обществѣ собесѣдниковъ и сотрапезниковъ, при посѣщеніи больного, при встрѣчѣ и угощеніи гостей и даже въ спальнѣ своей жены.

Къ четвертой категоріи мы относимъ тѣ, какъ прозаическія, такъ равно и поэтическія произведенія, которыя, устанавливая этическія начала отношеній мусульманина къ различнѣйшимъ явленіямъ жизни вообще, въ своей совокупности могутъ быть названы философіей бытія.

Произведенія этой категоріи крайне многочисленны; но мы, не рискуя излишне утомлять вниманіе читателя, приведемъ, какъ и раньше, лишь самое ограниченное число образцовъ.

Прежде всего упомянемъ о, такъ называемой, «*Зафаръ-нама*» Абу-зар-Джамлуръ, изложенной въ видѣ вопросовъ, якобы задававшихся авторомъ его учителю, и отвѣтовъ послѣдняго.

«Дѣла человѣка совершаются его стараніями, или по предопредѣленію? — Старанія человѣка одно изъ орудій предопредѣленія».

«Какимъ долженъ быть юноша, и какимъ долженъ быть старикъ? — Юноша долженъ быть стыдливымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ мужественнымъ; старикъ долженъ быть мудрымъ и осторожнымъ».

«Чего человѣкъ ищетъ и никогда не находитъ вполне? — Здоровья, веселья и преданнаго друга».

«Кто можетъ быть названъ истинно щедрымъ? — Тотъ, кто, давая, радуется».

«Чего мнѣ просить у Бога? — Здоровья, безопасности и богатства».

«Что усугубляетъ знанія человѣка? — Его правдивость».

«Что нужно для того, чтобы не имѣть надобности во врачѣ? — Меньше ѣсть, меньше спать и меньше говорить».

«Что такое сонъ? — Легкая смерть».

«Что такое смерть? — Тяжелый сонъ».

Хафизъ, отмѣчая въ одномъ изъ своихъ стихотвореній нѣкоторыя несообразности человѣческаго бытія, говоритъ, между прочимъ:

اہلہان را ہمہ شربت زکلاب و قند ست
قوت دانا ہمہ از خون جگر می بینم
اسپ تازی شدہ مجروح بزیر پالان
طوق زرین ہمہ در گردن خر می بینم

«Глушцы упиваются шербетомъ изъ розовой воды и сахара;
«А на долю умныхъ людей остается только та кровь, которой обливаются ихъ сердца».

«Скаковые кони изнемогаютъ подъ вычными сѣдлами,
«Тогда какъ золотую сбрую я вижу на ослахъ».

Саади, бросая ретроспективный взглядъ на (земную) исторію чело-вѣчества, говоритъ:

دنیا بمثال یک رباط دو در است
ہر روز درین سراچہ قوم دیگر است

«Миръ подобенъ постоялому двору (стоящему на самой дорогѣ) и имѣющему входныя и выходныя ворота: ежедневно въ этомъ зданіицѣ все новые и новые люди».

Слѣдуетъ однако же имѣть въ виду, что современный намъ кодексъ мусульманской нравственности, будучи весьма тѣсно связаннымъ съ ученіемъ ислама, тѣмъ не менѣе не можетъ считаться зиждящимся на основахъ одного только этого ученія.

Въ разныхъ мѣстахъ корана мы находимъ изрѣченія, которыми мусульманамъ *рекомендуются*—благочестіе, покорность Богу, повиновеніе родителямъ и властямъ, милосердіе и состраданіе, благотворительность, доброта, благонравіе, правдивость, прощеніе, умѣренность, и *порицаются*—убійство, самоубійство, воровство, прелюбодѣяніе, пьянство, распутство всякого рода, ложь, лицемеріе, лихва, корыстолюбіе, скупость, гордость, расточительность, азартныя игры, неблагодарность, заочная хула, насмѣшки, подозрительность и торопливость. Вотъ, въ сущности, все, что мы находимъ въ коранѣ по этому поводу.

Остальное внесено въ мусульманскую жизнь главнымъ образомъ суфизмомъ, о которомъ вскользь мы упомянули уже выше и къ которому мы необходимо должны вернуться снова, въ виду той громадной роли, которую онъ игралъ и продолжаетъ играть въ жизни большей части мусульманскихъ народовъ.

Въ своей основѣ *суфизмъ* (иначе называемый иногда *дервишизмомъ* или *мюридизмомъ*), зародившійся, какъ ересь, еще въ первые вѣка ислама, не только не имѣетъ ничего общаго съ послѣднимъ, но даже и противоположенъ ему, ибо исламъ проповѣдуетъ строгій монотеизмъ, а суфизмъ являетъ собою проповѣдь пантеизма въ самомъ широкомъ значеніи этого слова. Кромѣ того, суфизмъ, отличаясь мистическимъ направленіемъ, чуждымъ корану, рекомендуетъ своимъ послѣдователямъ стезю навѣяннаго христіанствомъ и буддизмомъ подвижничества, аскетизма, безусловно отрицаемаго кораномъ¹⁾.

¹⁾ «—въ сердца послѣдователей его (Христа) Мы (Богъ) вложили добродушіе и состраданіе; а подвижничество—его выдумали они сами: Мы имъ не предписывали еіо, ...» (Коранъ 57, 27).

Послѣ продолжительной борьбы между двумя этими учениями, исламъ, не оказавшись въ состояніи совсѣмъ подавить суфизмъ, долженъ былъ признать его исламскимъ учениемъ; а суфисты, въ свою очередь, сдѣлали много уступокъ исламу, прикрывшись при этомъ текстами корана и *хадисовъ*, что не представляло особой трудности, вслѣдствіе неясности многихъ мѣстъ обоихъ послѣднихъ.

Суфизмъ, раньше проповѣдывавшій единство мировой матеріи и нераздѣльность ея отъ божества, отрицавшій идею несотворенности корана, необходимость для суфіевъ (или дервишей) принадлежности не только къ исламу, но и вообще къ какой либо религіи и многое тому подобное, въ послѣдствіи, стараніями его примирителей съ исламомъ, настолько проникся идеями послѣдняго, настолько омуслиманился, что его позднѣйшіе адепты, въ родѣ Хаджи-Абду-Кадыра-Гиджудвани, забывая о томъ, что по существу они все же суфисты, говорили своимъ ученикамъ: «бѣгите суфизма; ищите спасенія въ чтеніи корана».

Тѣмъ не менѣе и до сего времени суфизмъ все еще во многомъ разнится отъ ислама въ его чистомъ, ортодоксальномъ видѣ.

Исламъ не допускаетъ никакихъ критическихъ отношеній къ доктринамъ, заключающимся въ коранѣ. Самое большое, что дозволяется вѣрующему, это выводъ умозаключеній, не представляющихъ противорѣчій духу корана, при посредствѣ аналогій (*кыясъ*).

Суфизмъ, на оборотъ, даетъ значительную свободу мышленія, не исключая даже и критическихъ отношеній къ доктринамъ, провозглашеннымъ кораномъ, что однако же не мѣшаетъ вольнодумцу суфисту выдавать себя за истаго мусульманина, ибо во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ онъ съ удивительнымъ искусствомъ умѣетъ прикрываться, если не текстами корана и хадисовъ, то, по крайней мѣрѣ, изрѣченіями наиболѣе авторитетныхъ мусульманскихъ богослововъ.

Мусульманинъ ортодоксальнаго направленія, въ виду существованія въ шаріатѣ положеній о тѣхъ случаяхъ, когда постъ, вообще обязательный для него, становится необязательнымъ (болѣзнь, нахождение въ пути), можетъ, по аналогіи установить взглядъ на необязательность и другихъ предписанныхъ ему дѣйствій въ такихъ же аналогичныхъ случаяхъ. Но онъ никогда не рѣшится возбудить вопросъ о томъ, дѣйствительно ли нуженъ намазъ, обязательность котораго для каждаго мусульманина въ коранѣ выражена совершенно ясно. Ужъ одно возбужденіе такого вопроса дѣлаетъ его *кяфиромъ*, невѣрнымъ.

Крайній суфи, по крайней мѣрѣ суфи прошлаго времени, не только не стѣсняется возбуждать такого рода вопросы, но даже и утверждаетъ, что *зикръ* (радніе), приводящій человека въ состояніе ре-

лигіознаго экстаза, полезный и душеспасительный уставнаго намаза, не производящаго на душу такого сильнаго впечатлѣнія, какъ *зикръ*¹⁾.

Исламъ есть *преданіе* себя Богу, *покорность* волѣ Божіей, безпрекословное исполненіе Его велѣній. Вѣрующій мусульманинъ ортодоксъ можетъ быть только *работъ* Божіимъ, ищущимъ спасенія своей души, для котораго мечта о достиженіи святости уже сама по себѣ грѣховна, ибо святость есть даръ, даваемый Богомъ лишь Его избранникамъ. Тѣмъ менѣе онъ можетъ мечтать о дарѣ пророчества, ибо Мухаммадъ, по ученію корана, *послѣдній* и совершеннѣйшій изъ пророковъ, вслѣдствіе чего послѣ него никакихъ пророковъ быть не можетъ, а равно не можетъ быть и людей равныхъ ему. *Тасаввуфъ* (суфизмъ) есть стремленіе къ духовной, нравственной чистотѣ (*сафа*), достигая которой, *суфи* постепенно приближается къ абсолютной чистотѣ или, вѣрнѣе, къ абсолютной святости, т. е. къ Богу. Путемъ непрестанныхъ упражненій въ *зикръ* и въ другихъ богоугодныхъ дѣлахъ, онъ настолько очищаетъ себя отъ скверны грѣха, что съ теченіемъ времени, въ этомъ отношеніи, становится равнымъ своему *пиру* (наставнику). Это состояніе называется *фана-фи-пиръ* (или *фана-фи-шейкъ*). Идя въ томъ же направленіи и далѣе, онъ можетъ достигнуть не только *фана-фи-расуль*, равенства *расулю*, т. е., пророку, но даже и *фана-фи-улла*, равенство Богу.

Вскорѣ послѣ завоеванія арабами Самарканда, въ Согдѣ появился нѣкій Муканна, объявившій себя Богомъ и надѣлавшій не мало хлопотъ тамошнимъ мусульманамъ; а въ Ташкентѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ умеръ вліятельный въ свое время Ахмадъ-ишанъ, выдававшій себя за пророка и еще при жизни считавшійся многими за святого.

Подъ давленіемъ необходимости примѣниться къ исламу и примириться съ нимъ, суфизмъ, конечно, не могъ въ теченіе своего болѣе чѣмъ тысячелѣтняго существованія оставаться *in statu quo*. Онъ постепенно видоизмѣнялся, пока, наконецъ, изъ самостоятельнаго ученія, даже въ своихъ основахъ противоположнаго исламу, не превратился въ одну изъ сектъ послѣдняго.

Тѣмъ не менѣе онъ внесъ въ жизнь, въ понятія и мировоззрѣніе мусульманъ, цо крайней мѣрѣ мусульманъ Средней Азіи, очень много оригинальнаго, такого, чего не заключаетъ въ себѣ ортодоксальный исламъ, что навсегда запечатлѣлось на страницахъ обширной литературы суфизма, и что до сего времени такъ или иначе продолжаетъ имѣть воспитательное значеніе для мѣстнаго мусульманскаго общества вообще и для учащейся мусульманской молодежи въ особенности.

¹⁾ Отрицаніе необходимости намаза, поста, паломничества въ Мекку и проч. находимъ у такихъ поэтовъ-суфистовъ, какъ Бидаль, Низами, Шаме-и-тавризи, Шарафъ и многіе другіе.

Отмѣтимъ нѣкоторыя, наиболѣе характерныя стороны того воспитательнаго воздѣйствія суфизма, которое до сего времени съ особенной яркостью сказывается въ стѣнахъ средне-азиатскихъ мадрасъ.

Отцы суфизма издревле рекомендовали своимъ ученикамъ и послѣдователямъ не только благонравіе и ласковость въ обращеніи съ людьми, но даже кротость, смиреніе и самоуничтоженіе.

Къ сожалѣнію, на практикѣ, въ теченіе многихъ вѣковъ въ подраставшихъ поколѣніяхъ развивалась одна только внѣшняя сторона, однѣ лишь внѣшнія проявленія вышеуказанныхъ качествъ, вслѣдствіе чего искренняя ласковость обращенія постепенно превратилась въ приторную и всегда напускную слащавость рѣчи и всего вообще обращенія съ окружающими, а кротость и сознательное смиреніе въ напускную приниженность, въ то, что у насъ попросту называется подхалимствомъ¹⁾. На эту тему у Суфи-Алли-Яра есть такое стихотвореніе:

کیل ای مؤ من همیشه خوش عنانه بول
مسلمان بولسه هر کیم مهر بان بول
آچیلغای سن انی کور کاندہ گل دیک
تواضع آیلّا خدمتگار و قل دیک
سر یغ یاغ دیک آنکا بولغیل ملایم
سچرک لیک نی عسل دیک آیلّا دایم

«Правовѣрный, будь всегда ласковымъ и приятнымъ въ обращеніи съ каждымъ мусульманиномъ. Встрѣчай его съ улыбкой, напоминающей собою распускающуюся розу; будь услужливъ, на подобіе слуги или раба. Будь въ обращеніи съ нимъ мягокъ, какъ коровье масло; говори ему рѣчи сладкія, какъ медъ».

Нынѣ эти слащавость, напускное смиреніе и дѣланная приниженность нигдѣ, въ туземной жизни, не практикуются такъ широко, какъ въ стѣнахъ мадрасъ.

Выше мы сказали уже, что однимъ изъ главныхъ элементовъ суфизма, преслѣдующаго идею нравственнаго совершенства и уничтоженія въ человѣкѣ его индивидуальности, всегда былъ аскетизмъ. Отъ *мурида*, ученика, послушника, всегда требовалось и требуется безусловное отреченіе отъ своей воли, безусловная покорность не только волѣ Божіей, но даже и волѣ его *муршида*, иначе *пира* или *ишана*, его наставника и руководителя.

Поэтому *муридъ* обязывается развивать въ себѣ терпѣніе, умѣнье бороться со всѣми присущими ему страстями и похотями, умѣренность въ пищѣ и питъѣ, умѣнье довольствоваться тѣмъ, что имѣется, умѣнье

¹⁾ Читателю, быть можетъ, неизвѣстно, что это слово происходитъ отъ арабскаго *حلیم* *халимъ*, что значитъ ласковый, кроткій, смиренный.

не только покоряться волѣ Божіей, но даже и радоваться всему ниспосылаемому Богомъ, не исключая всевозможныхъ несчастій.

Тѣмъ, кто въ состояніи достигнуть такой высокой степени нравственнаго совершенства, рекомендуется *факръ* (فقیر) добровольная бѣдность, добровольное отреченіе отъ обладанія какимъ либо имуществомъ.

Наконецъ, нѣкоторые изъ суфистовъ, вопреки ученію корана, абсолютно отрицающему монашество, рекомендуютъ безбрачіе¹⁾.

Аскетизмъ никогда не былъ и не можетъ быть посильнымъ для средняго, зауряднаго человѣка. Вмѣстѣ съ тѣмъ принадлежность къ ордену и желаніе быть не хуже другихъ, въ свою очередь, не могли не порождать у суфіевъ желанія если не быть, то по крайней мѣрѣ казаться аскетами. Въ результатѣ, конечно, не могло получиться ничего, кромѣ ханжества, притворства и лицемерія.

Тоже случилось и съ *факромъ*, обѣтомъ добровольной бѣдности.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что на этомъ поприщѣ были совершенно искренніе подвижники. Отказавшись отъ обладанія какимъ бы то ни было имуществомъ, они по необходимости должны были существовать подаеніями, количества которыхъ, въ зависимости отъ популярности даннаго лица, доходили иногда до колоссальныхъ размѣровъ.

Искренніе подвижники тратили скопившіяся такимъ образомъ богатства на дѣла благотворительности; не искренніе не гнушались обращеніемъ ихъ въ собственность.

Мало по малу *факръ* обратился въ весьма доходный промыселъ, и нынѣ та наглость, съ которой ишаны вымогаютъ (*назръ*) (نذر) отъ своихъ мюридовъ, сдѣлалась самымъ обычнымъ, самымъ зауряднымъ явленіемъ жизни мусульманъ Средней Азии.

Въ началѣ этого труда, говоря о томъ, что представляетъ собою современная намъ мусульманская наука въ Средней Азии, мы позволили себѣ привести нѣсколько образцовъ поэтическихъ произведеній того отрицательнаго направленія, которое, подъ влияніемъ суфизма, одно время получило весьма широкое распространеніе особенно въ Персіи никогда не отличавшейся большой приверженностью къ буквѣ ортодоксальнаго ислама.

Въ виду громадности того образовательнаго и воспитательнаго значенія, которое персидская литература издревле имѣла для Средней Азии, ея представители отрицательнаго направленія заслуживаютъ серьезнаго вниманія, а потому, вновь вернувшись къ нимъ, отмѣтивъ нѣсколько немаловажныхъ для изслѣдуемаго нами вопроса фактовъ.

¹⁾ Въ завѣщаніи Абду-Халыка - Гиджлудвани сказано:

در عقد نکاح مشو چون نکاح کنی در طلب دنیا
افتی و در طلب دنیا فوت دین است

Такъ напр., Шамс-и-тавриз не стѣсняется отрицать свою принадлежность къ какой-бы-то ни было религіи.

چه تدبیر ای مسلمانان که من خود را نمیدانم
نه تر سا و یهودیم نه گبر و نه مسلمانم

«Что же мнѣ дѣлать, мусульмане, если я самъ не знаю, кто я такой! Я не многобожникъ, не іудей, не огнепоклонникъ; но я и не мусульманинъ».

Тотъ же поэтъ, признавая идею предопредѣленія верхомъ несправедливости, говоритъ:

از فلک چه میخواهی در زمین چه میجویی
گنبد ظلم است آن چادر خیال است این

«Чего ты хочешь отъ неба? Чего ты ищешь на землѣ? То—куполь, въ которомъ царитъ неправосудіе. Это—театръ маріонетокъ (не имѣющихъ своей свободной воли)».

Другой, удивляясь тому успѣху, который такъ часто глупцы имѣютъ въ жизни, восклицаетъ:

ای فلک کار تو باشد داریم اجله پروری
در علوم بستمیزی از که کم بودیم ما

«О, небо! Ты всегда такъ заботливо относительно дураковъ. Но чѣмъ я хуже ихъ въ отношеніи глупости».

Это направленіе не прошло безслѣдно и для Средней Азіи, одинъ изъ поэтовъ которой, жалуясь Богу на небо, иносказательно обвиняетъ послѣднее въ несправедливости за то, что оно отдало предпочтеніе Мухаммаду передъ Христомъ.

آهیی قارا یسون فلک نیک یوزی
جفا برله جفت و فا برله طاق
عیسی دیک کشیکا بیریب аیشак
аیشак дик کشика бириб минг брак

Народная молва приписываетъ это стихотвореніе Миръ-Али-Ширу (Наваи), который въ вступленіи къ одной изъ своихъ поэмъ упрекаетъ небо въ нѣкоторыхъ, кажущихся ему несовершенствахъ мірозданія, въ несоотвѣтствіи идеи возмездія идеѣ предопредѣленія и т. п.

Эти и подобныя имъ произведенія, конечно, не могутъ не производить впечатлѣнія на болѣе пытливые умы и особо воспримчивыя натуры; а потому, какъ не силенъ нравственный гнетъ шаріата, какъ не велика его способность закабалить человѣческой умъ и направлять его въ требуемую исламомъ сторону, *шаккакъ*—شکاک (сомнѣвающийся, атеистъ) никогда не могъ считаться абсолютно несуществующимъ въ стѣнахъ мадрасъ.

В. Наливкинъ.

Жизнеспособна-ли Турція?

(Изъ журнала «Revue des Revues», №№ 14 и 15 1899 г.).

Вѣсто сто лѣтъ, какъ агонія Турціи, періодически прерывающаяся энергическими конвульсіями, не перестаетъ быть зрѣлищемъ ужаса и изумленія для всего цивилизованнаго міра. Между тѣмъ этотъ турецкій народъ, расположившійся въ Европѣ лагеремъ и пріобрѣтшій всеобщую извѣстность звѣрствами своими и несходящимъ съ очереди вопросомъ о его наслѣдствѣ, изъ всѣхъ народовъ въ мірѣ наименѣе намъ извѣстенъ въ нравахъ его и идеяхъ. Безъ преувеличенія можно сказать, что данныя, у насъ имѣющіяся, объ условіяхъ, въ какихъ живутъ дикари Патагоніи, положительнѣе и обильнѣе тѣхъ, какія имѣются у насъ о характерѣ турокъ. Притомъ, если насчитывается не мало хулителей турокъ, то, и обратно, есть у нихъ и восторженные защитники. Высказывающіяся о нихъ сужденія не имѣютъ въ себѣ должной мѣры, потому что каждое изъ нихъ довольствуется соображеніемъ однѣхъ лишь наиболѣе выдающихся чертъ внѣшняго быта ихъ: войны, звѣрскія избіенія, покойное ничегонедѣланіе среди сельской тиши, гостепріимство.

Каково же въ дѣйствительности умственное состояніе турокъ? Какая мечта подкрѣпляла ихъ во время ихъ быстрыхъ завоеваній? И какая другая мечта обольщала ихъ иллюзіями въ эпоху не менѣе быстрого ихъ упадка? Наконецъ, какому моральному кризису подчинились они, въ теченіе нашего вѣка продѣлавъ троекратно тѣ чудовищныя звѣрства надъ христіанами, которыя представляютъ въ исторіи явленіе жестокостей, въ своемъ родѣ единственное? Существенно серьезные вопросы эти, въ отношеніи которыхъ европейское общество обнаруживаетъ полнѣйшее невѣдѣніе, мы и хотимъ въ дальнѣйшемъ изложеніи разъяснить послѣ совершеннаго путешествія, съ цѣлью изу-